

УК-14038
✓ П295776

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 159

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Выпуск 10

1977

1 р. 19 коп.

Вестник Харьковского университета, 1977, вып. 10, № 159, 1

V.N. Karazin Kharkiv National University

00281311

6

СОДЕРЖАНИЕ

Акуленко Л. Г. Лексико-фразеологические средства выражения неопределенно большого и неопределенно малого количества в современном немецком языке	3
Бейдер Е. И., Гришко Н. Н. Некоторые проблемы обучения произношению в языковом вузе	7
Березовец Л. М., Мякиш Е. А. Сравнительные словообразовательные характеристики синонимических латинских и греческих морфем во французском языке	12
Гаврилова А. И., Капканец М. П., Левашова М. А. К сопоставлению глаголов в английском, немецком и французском языках	16
Гаврилова А. И. Результаты статистической обработки материалов второго уровня распределительного словаря французской спортивной лексики	21
Даниленко Т. И. Структура VL-Av (связочный глагол-прилагательное, имеющее однокоренной глагол) в различных функциональных стилях современного английского языка	26
Дородных А. И. Опыт синхронно-диахронного изучения форм сослагательного наклонения и их эквивалентов в американском и британском вариантах английского литературного языка	30
Ещенко Ю. Ф. К вопросу об экономии в системе языка	35
Ещенко Ю. Ф. Структура сложного предложения в стиле разговорной речи в современном английском языке	39
Караяшкин В. И. О «чистоте» выражения каузальности средствами разных уровней (на материале немецкого языка)	45
Кибук С. А. Еще о заместителях в английском языке	49
Ланецкая К. И. Перевод инфинитивных предложений с немецкого языка на русский	54
Маевская А. Д. Несколько замечаний о проникновении англицизмов в язык немецкой рекламы	58
Молодец В. Н. Классификация вариантов немецких лингвистических терминов	60
Непомнящая Э. А. Управление процессом формирования мотивов учебной деятельности	66
Николаева В. Д. К вопросу о диалогических единствах в современном английском языке	70
Овденко А. В. Образование современного американского общего сленга путем конверсии	74
Одинокова В. И. К вопросу семантики имени собственного	78
Паповяц Э. Г. О сети отношений внутри английского предложения	81
Потапова Ж. Е. К вопросу о стилистическом изучении повторной номинации	85
Проценко В. С. Некоторые моменты становления падежной системы немецкого языка	89
Терехова Н. Ю. Взаимоотношение инфинитива и герундия в некоторых ареальных подсистемах современного английского языка	92
Тимошенкова Т. М. Присоединение как особый вид синтаксической связи	96
Ткаченко Р. Г. О динамике синтаксической конструкции прямой речи	100
Ужик В. А. Об определении трудоемкости самостоятельной работы по английскому языку студентов неязыковых факультетов	103
Шайханурова Л. В. Об использовании причастия II в трех региональных разновидностях современного английского языка	106
Яцевич Ж. Ф. Аналитическое чтение по английскому языку в бюджете времени студентов механико-математического факультета Харьковского университета	109

МИНИСТЕРСТВО
ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ
УССР

ВЕСТНИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 159

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ
ВЫПУСК 10

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1977

Печатается по решению Ученого совета факультета иностранных языков (протокол № 4 от 19 декабря 1975 г.).

Редакционная коллегия:

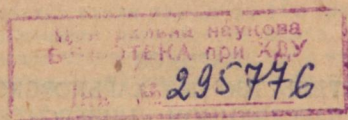
В. И. Безуглый, Г. В. Ейгер, Ю. Ф. Ещенко, А. С. Калиниченко (зам. отв. ред.), В. И. Каравашкин, С. Т. Навальная, О. А. Рассказова (отв. секр.), Ю. М. Ткаченко (отв. ред.).

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков, пл. Дзержинского, 4, университет, факультет иностранных языков. Тел.: 40-17-47.

В выпуске освещаются вопросы романо-германской филологии, в частности грамматики, лексикологии, стилистики, и некоторые проблемы перевода, лексикографии и методики преподавания в вузе. Приводятся результаты исследования (преимущественно в синхронном плане) различных языковых единиц и структуры предложения в разных стилях, подъязыках и языках, а также в ареальных подсистемах современного английского языка.

Вестник рассчитан на научных работников и специалистов.

Редакция гуманитарной литературы
Зав. редакцией Г. И. Шинкаренко

**ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
НЕОПРЕДЕЛЕННО БОЛЬШОГО И НЕОПРЕДЕЛЕННО МАЛОГО
КОЛИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Быстрое развитие современной семасиологии, связанное, прежде всего, с проникновением в эту область системного подхода, поставило перед языкознанием ряд новых вопросов. Среди них, в частности, представляется важным определение собственно лингвистических и экстралингвистических (логических, психологических, физических, культурных и пр.) признаков, на основании которых устанавливаются различные системы в лексике. С этим связано и дальнейшее уточнение понятий «поля» и «системы» применительно к лексике [см.: 7, с. 146—169]. Картина осложняется тем, что во многих случаях приходится говорить о взаимосвязанности не одних только лексических единиц, а элементов лексики и фразеологии, морфологии и синтаксиса, выполняющих сходные функции.

Поле количества в немецком языке относится именно к таким лексико-грамматическим полям, по терминологии Е. В. Гульги и Е. И. Шендельс, или функционально-семантическим полям, по терминологии А. В. Бондарко. Здесь объединены средства лексики и фразеологии, морфологии и синтаксиса, воплощающие идею количества во всех различаемых языком разновидностях (определенного, неопределенного, приблизительного, всеобщего, частичного, исчисляемого, неисчисляемого и пр.). Принадлежность всех этих элементов к одному полю доказывается не только их семантическим анализом, но и практикой их взаимодействия и взаимозамени при построении речевых высказываний.

Общепризнано, что поля характеризуются сложной структурой, причем роль сердцевины (центра, ядра) поля обычно играет морфологическая категория, стягивающая периферийные, в частности лексические и словообразовательные компоненты, которые могут образовывать своеобразные системы и подсистемы [см.: 3, с. 20—23]. В поле количества немецкого языка на роль ядра могут претендовать формы множественного числа имен существительных, выражающие чистую множественность [см.: 4, с. 39]. Вместе с тем очевидно

доминантное положение в том же поле и числительных — также носителей чистой количественности, хотя последняя выражается только в семантике, тогда как морфологически числительные значительно менее однородны, чем другие части речи [см.: 1].

Структура поля немецкого языка в последнее время привлекла внимание исследователей [см., например: 4, 5, 2 и др.]. Но многие периферийные системы, обладающие, в свою очередь, сложной структурой, описаны лишь в самых общих чертах. К их числу относится система лексико-фразеологических средств выражения неопределенного количества, обладающая значительным семантическим своеобразием и играющая заметную роль в современном языке. В отличие, например, от числительных, у которых значение определенного количества не зависит от контекста (не считая особых синтаксических конструкций, означающих неопределенность или приближенность), члены данной системы имеют не абсолютное, а релятивное значение. Оно проявляется, прежде всего, в антонимическом противопоставлении двух микросистем: неопределенно большого (НБК) и неопределенно малого количества (НМК). Это противопоставление осуществляется относительно некоторой нормы, что сближает данную лексику и фразеологию с качественно-оценочными прилагательными [см.: 6, с. 236—245]. Возможны два вида нормы: 1) норма как весь диапазон значений параметра, характерного для определенной серии явлений (*Zu viel Wasser für ein Bach! Das ist eher ein Fluß als ein Bach*), 2) норма окказиональная, «на данный случай», связанная с субъективной ситуацией говорящего.

Микросистема НБК разработана в языке наиболее детально. Она обладает собственным ядром — группой слов, обозначающих НБК в прямом значении, примарном (ЛСВ₁) или секундарном (ЛСВ₂), а также фразеологией. Все члены группы, а по сути и микросистемы в целом могут быть заменены центральным, родовым словом *viel* или оборотами с *viel*. Это существительные, прилагательные, наречия, производные от *viel* (*das Viel, Vielheit, soviel, vielfach*), *mehr* (*mehrere, Mehrheit, mehrfach, mehrmals, mehrerlei*), *alle* (*allerhand, allerlei*), *Zahl* (*Vielzahl, Unzahl, zahllos, zahlreich*) и некоторые другие. Сюда же относятся некоторые производные с префиксом *un-* (*Unmasse, Unmaß, Unmenge*), а также обороты, наподобие *seit Jahr und Tag* (о времени), *im Geld schwimmen* (о деньгах), *alle Hände voll zu tun haben* (о работе) и пр.

Смежную группу образуют существительные, означающие в ЛСВ₁ целое количество или его часть и для выражения значения НБК иногда нуждающиеся в актуализаторах (типа *ganz, groß, reich, beträchtlich*, часто с ограничениями в сочетаемости), т. е. образующие расчлененные наименования НБК. Это такие слова, как *Zahl, Anzahl, Betrag, Menge, Teil, Anteil, Porzion* (в том числе в составе образований типа *Menschenmenge, Wortmenge*).

Числительные и счетные существительные могут выражать идею НБК только переносно в ЛСВ₂: наряду с типичными *hundert, Tausend, Million* (ср. отсюда *hundertmal* и *hundertfach, hundertweise*,

tausenderlei, millionenfach, millionenweise) здесь возможны zehn, Dutzend, zwölf, zwanzig и включающие их обороты и сложные слова.

Более сложно соотносятся с предыдущими группами ряды слов, в значениях которых НБК сочетается с какими-либо дополнительными семами: полнотой (voll, füllen, Fülle, proppenvoll, satt, sättigen), излишком (Überfluß, allzuviel, ср. für die Raten haben), помехой (stauen, verstopfen, Gedränge, ср. auf den Nähten sitzen) и т. д.

Широко использованы в немецкой лексике переносные ЛВС₂ в словах-названиях таких явлений природы, как водные просторы (типа Meer, Ozean), водные движущиеся массы и потоки (Welle, Wogen, Bach, Flut, Strom, отсюда fluten, beströmen), движущиеся осадки и облака (Wolke, Hagel, Regen, hageln, regnen, beregnen), движение масс воздуха (Sturm, Wirbel, Gewitter, ср. umbrausen), крупные природные объекты и большие площади (Berg, Hügel, Wüste, Abgrund, wie Sand am Meer), множества растений (Wald, ср. wie Heu), множества плодов (Traube).

Все последующие группы также выражают НБК лишь в переносных ЛВС₂; образующихся, иногда окказиально, на основе периферийной или даже потенциальной семы НБК в составе примарного ЛСВ₁. Легко возникает перенос у названий совокупностей предметов, связанных вместе или воспринимаемых как единое целое (Bund, Bündel, Armvoll, Busch, Büschel, Kranz, Strauß, Packen и т. п.). Аналогичный перенос лежит в основе ряда слов с примарным значением совокупности лиц (Armee, Chor, Heer, Horde, Rotte, Trupp). Значение НБК не всегда фиксируется словарями, так как может иметь окказиональный характер, но оно ярко проявляется в случае изменения семантической сочетаемости и добавления актуализаторов: ср. eine Rotte von Menschen, Jungen, «eine ganze Rotte Bengels» (H. Fallada), eine Geschwisterhorde, «die ganze Horde der Reisenden» (A. Seghers). В переносном значении эти слова ложатся в основу производных (hordenweise, truppenweise). То же относится к ряду слов, обозначающих в примарных значениях совокупности животных, рыб, насекомых (типа Herde, Meute, Rudel, Schwarm, Wurf, ср. и schwärmen, herdenweise).

Сема совокупности, сочетающаяся с дополнительными семами упорядоченности и беспорядочности, также может развиваться в ЛСВ₂ рассматриваемого типа. Первый из названных рядов, обозначающий в ЛСВ₁ упорядоченную совокупность многих отдельных предметов или явлений, включает слова типа Reihe, Serie, Reihenfolge, Kette, где упорядоченность связана с последовательностью, и типа Stapel, Paket, где подразумевается вертикальное расположение объектов; более общий характер имеют слова, наподобие Komplex, System, Netz или Sammlung. Беспорядочное скопление многих предметов представлено в таком ряду слов, как Haufen (с производными haufenweise, Häufung, Anhäufung, häufen, sich anhäufen), Durcheinander, Klumpen, Knäuel, Wust и т. п. Как всегда, ЛСВ₂ отчетливо связывается с новой сочетаемостью, хотя бы имплицитной: ср. Knäuel

(о людях) в «ein Knäuel von Geschöpfen» (Н. Mann) или в «ein neuer Knäuel stürzte heran» (Е. М. Remarque).

Наконец, та же сема совокупности входит в ЛСВ₁ таких рядов слов, как Vorrat, Reichtum, Ernte, Schatz (совокупность чего-то собранного, скопленного) и Auswahl, Skala (совокупность разнородных предметов, предоставляющая возможность выбора). С последней группой отчасти перекликается ряд слов, в ЛСВ₁ которых входит признак разнообразия (allerhand, allerlei, Kaleidoskop, Feuerwerk).

В конечном счете сема группы, т. е. многих объектов, в сочетании с признаком движения представлена и в ЛСВ₁ таких рядов слов, стоящих в ЛСВ₂ наименованиями НБК, как Kanonade, besäen (группа, физически направленная человеком), а также Kolonne, Zug, Schleppzug, Karawane, wimmeln (одновременное упорядоченное или хаотичное движение группы объектов).

Более косвенно связаны с идеей большого количества примарные ЛСВ слов остальных периферийных рядов микросистемы НБК. Здесь имеются в виду крупные объекты, созданные человеком (от Stange до Turm), хранилища, вместилища (Sack, Schachtel, Kübel, Lager), общие наименования и отдельные единицы меры и веса (Maß, Ausmaß, Tonne, Scheffel), значения, связанные с представлениями о геометрических фигурах (Kreis, Würfel).

Намного меньшая по объему микросистема НМК имеет тем не менее достаточно сложную и отчасти сходную с предыдущей структуру. В центре микросистемы находится ядерная группа прямых обозначений НМК, возглавляемая словом wenig — вершиной всей микросистемы. Сюда входят обороты с wenig и производные от него (ein (klein) wenig, das Wenige, Wenigkeit), их синонимы (ein (klein) bißchen, das bißchen, gering, das Geringe, ein paar), а также фразеологизмы типа das trägt die Maus auf dem Schwanz fort, ein Tropfen auf einen heißen Stein. Прилагательные типа klein могут быть не только актуализаторами, но и самостоятельными носителями значения НМК (ср. также arm, mäßig, armselig, dürftig, spärlich).

Преобладающая часть микросистемы занята периферийными группами, члены которых означают НМК только в переносных ЛСВ₂. Наиболее многообразна группа наименований различных малых количеств, употребленных метафорически: Stück, Tropfen, Deut, Fetzen, Handvoll, Prise, Spritze, Schluck, Schuß; показательное употребление таких слов в уменьшительной форме (Stückchen, Körnchen, Stäubchen, Schlückchen).

В определенных синтаксических моделях НМК могут обозначать количественные числительные практически только от ein до fünf, утрачивающие при этом примарное абсолютное значение: ср. «und nach ein, zwei Minuten Warten» (А. Seghers), «drei bis vier Tage» (Н. Kant).

Особые небольшие группы образуются наименованиями малых единиц веса (Gramm), малых физических величин (Atom, Molekül), косвенных отражений какого-то явления (Schatten, Spur).

Явления природы представлены словом *Insel*, в котором значение НМК развилось, очевидно, по контрасту с наименованиями больших масс воды.

Могут передавать идею НМК слова типа *etwas* (употребленные атрибутивно), *einige*, *etliche*, а также *Teil* (с актуализатором или без него), так или иначе связанные с понятием части целого.

Особая группа наименований НМК относится ко времени (*Augenblick*, *Moment*, *Sekunde*, *Weile*, *Zeitlang*), в некоторых из таких слов сема НМК лишь потенциальна.

Таким образом, немецкая система неопределенного количества представлена двумя развитыми микросистемами, находящимися между собой в отношениях антонимии. Каждая из микросистем организована вокруг ядра, передающего основное значение прямо и в чистом виде. В то же время периферийные группы средств выражения данного количества обеспечивают не только выразительность этих средств (за счет мотивировки, соединений с актуализаторами) и потенциальную возможность спонтанного их пополнения, но и повышают помехоустойчивость речи, так как каждая группа, а нередко и каждый член группы характеризуются специфической сочетаемостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В. Г. Полевая структура частей речи. — Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Тезисы докл. Ин-та языкознания АН СССР. Л., 1965, с. 23.
2. Ардова В. В. Собираательные существительные в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1970. 23 с.
3. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971. 211 с.
4. Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., «Просвещение», 1969. 184 с.
5. Кашина Д. А. Функционально-семантическое поле количества (на материале современного немецкого языка). Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1973. 26 с.
6. Поцелуевский Е. А. Нулевая степень качества и описание значения качественных прилагательных и некоторых сочетаний с ними. — В кн.: Проблемы семантики. М., «Наука», 1974, с. 229—248.
7. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., «Наука», 1974. 251 с.

Е. И. БЕЙДЕР, канд. пед. наук, Н. Н. ГРИШКО

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ПРОИЗНОШЕНИЮ В ЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Обучение студентов практическому владению иностранным языком и педагогическим навыкам его преподавания входит в ряд основных проблем подготовки будущих преподавателей иностранного языка. Проблема обучения практическому владению иностран-

ным языком получила широкое освещение в нашей методической литературе. Вполне определенные методические концепции и конкретные методы обучения отражены в многочисленных учебных пособиях по различным аспектам обучения иностранному языку как специальности. Однако в учебных пособиях, рекомендованных для педагогических вузов иностранных языков, как правило, не учитываются виды учебной деятельности, направленные на формирование элементов профессионализма.

Мы разделяем точку зрения тех авторов, которые считают, что проблема профессиональной подготовки будущего преподавателя иностранного языка не может быть решена лишь в рамках курсов педагогики, психологии и частных методик преподавания иностранных языков [см.: 1, 2, 3]. Решение этой проблемы должно стать неотъемлемой частью практических курсов преподавания иностранного языка в педагогических институтах и на факультетах иностранных языков университетов. Владение иностранным языком является необходимым, но недостаточным условием подготовки будущего преподавателя данной дисциплины. При коммуникативной направленности обучения иностранному языку как учебному предмету наших средних и высших учебных заведений преподаватель этой дисциплины должен уметь предвидеть трудности учащихся, связанные с осуществлением разнообразных речевых операций, диагностировать трудности, возникающие в результате интерферирующего влияния родного языка и владеть разнообразными методами и приемами устранения этих трудностей. Все вышесказанное относится к практическим курсам преподавания фонетики на специальных факультетах. Цель этих курсов обычно ограничивается постановкой произношения будущих преподавателей и не включает в себя задачи формирования профессиональных знаний, навыков и умений, обеспечивающих постановку правильного произношения у учащихся.

Казалось бы, имеется две возможности ликвидации этого пробела в профессиональной подготовке студентов педагогических вузов при прохождении теоретического курса фонетики английского языка и при изучении курса методики преподавания иностранного языка. Но эти курсы не в состоянии решить упомянутых задач по следующим причинам. Данные учебные предметы входят в программу старших курсов обучения, когда завершены все основные этапы овладения произношением. Кроме того, основная цель этих курсов состоит в изложении общих теоретических положений и методов обучения произношению. Ни один из этих курсов не может решить задачи обучения постановки произношения каждого звука изучаемого языка в силу недостатка времени.

Наши наблюдения показали, что именно эта сторона профессиональной подготовки выпускников вызывает большую тревогу. Так, на экзамене по методике обучения иностранному языку на вечернем и заочном отделении факультета иностранных языков Харьковского университета в 1972/73 учебном году каждому экзаменуемому с целью выявления уровня профессиональной подготовки по фоне-

тике было предложено описать работу органов речи, участвующих в образовании звуков. Звуки предъявлялись студентам в фонетической транскрипции. После этого предлагалось привести основные методические приемы постановки этих звуков. В результате опроса было установлено, что у студентов отсутствует способность анализировать работу органов речи, несмотря на правильное произношение звуков. При описании звуков они пользуются положениями теоретического курса фонетики, обнаруживая полное незнание приемов постановки звуков. Последнее, на наш взгляд, является более отрицательным явлением, чем неумение производить подробные описания теоретического характера.

Нами также были опрошены студенты V курса факультета иностранных языков ХГУ (20 человек), проходившие педагогическую практику в школе № 6 г. Харькова. Чтобы выявить у студентов-практикантов умение учитывать интерферирующее влияние звукового строя родного языка, а также способности анализировать работу органов речи, им предлагалось описать артикуляцию русских звуков [г, р, с, а]. Студенты в 16 случаях из 20 приводили неправильные ответы типа: «При произношении [д] язык отодвинут и находится у альвеол»; «[а] — произносится без ничего». Подобные неквалифицированные ответы были получены и на просьбу описать работу органов речи при произнесении английских звуков: «[ɔ] произносится как-то открыто», при произношении [г] язык заворачивается и находится выше альвеол» и т. д. Результаты опроса студентов приводятся в таблице.

Английские звуки	Ответы студентов			Умение изложить основные инструкции для учащихся
	Правильные	Частично правильные	Неправильные	
[W]	7	8	5	12
[r]	9	2	9	8
[ɹ]	3	5	12	2
[ɹ]	15	—	5	10
[θ]	10	2	8	15
["α:"]	7	9	4	5
[ɪ]	12	3	5	12
[ə:]	6	7	7	6

Таким образом, несмотря на то, что в большинстве случаев звуки артикулируются студентами правильно, большинство студентов не владеет необходимым профессиональным умением постановки звуков английского языка.

Об отсутствии профессиональной подготовки студентов по курсу фонетики свидетельствовали их ответы на вопрос: «Какие типичные ошибки вы заметили в произношении учащихся и как их следует корректировать?». В 18 случаях из 20 студенты не могли привести

правильные инструкции по устранению замеченных у учащихся типичных ошибок при произношении английских звуков. Студенты не смогли также привести ни одного методического указания по введению звуков английского языка детям. Очевидно, в педагогической работе при обучении учащихся произношению выпускник вынужден будет пользоваться исключительно инструкциями учебников, поскольку он не сможет опираться на профессиональное умение, формированию которого в вузе не было уделено должного внимания. Речь идет, таким образом, об очень существенном пробеле в профессиональном обучении студентов. Возникает вопрос — на каком этапе обучения в языковом вузе должны формироваться профессиональные навыки обучения произношению. Наш ответ согласуется с точкой зрения ряда авторов, которые говорят о необходимости ранней профессионализации при обучении языку и считают, что языковая подготовка учителя иностранного языка с самого начала должна быть подчинена задаче формирования профессиональной направленности обучения [см.: 2, 3, 4]. Развитие профессиональных навыков по обучению произношению может быть успешным лишь в процессе овладения произношением. При этом внимание преподавателя должно быть направлено не только на постановку произношения у студентов, но и на обучение педагогическим навыкам постановки и корректировки произношения в рамках сравнительно-имитационного метода. Возникает вопрос, не вызовет ли это дополнительный расход времени, не предусмотренный учебным планом. Мы считаем, что предлагаемый нами далее метод по привитию профессиональных умений постановки произношения направлен сначала на корректировку произношения самих студентов. Студенты, усваивая подобные методы, практически формируют профессиональное умение обучения произношению.

Опираясь на опыт некоторых авторов [см.: 5, 6], а также на свой опыт, мы предлагаем следующие виды работы в плане освоения методических навыков постановки звуков на начальном этапе обучения произношению.

Исходя из основных положений сравнительно-имитационного метода студентам предлагались следующие упражнения с целью нахождения опорных моментов артикуляции в родном языке при постановке английского произношения. 1. Произнести русские слова с одним английским звуком. Убедиться в совершенно другом звучании слова с английским звуком. Например, *в[ɛ]лтка*, *б[ɛ]лка* и т. д. 2. Проанализировать работу органов речи при произношении русских звуков [t] [d] и английских [t] [d]. Найти и объяснить разницу в их образовании. 3. Указать, какая позиция органов речи в образовании русских гласных ближе всего при образовании английских [i:] [u:]. 4. Прослушать два звука (русский и английский). Сказать, в чем заключается разница при их произношении, попытаться имитировать английский звук и самостоятельно дать его описание.

С целью формирования четких представлений об особенностях произношения английских звуков мы рекомендуем следующий при-

ем. Исходя из описаний английского звука выделить главный момент в артикуляции этого звука, так как без этого правильное произношение русскими учащимися невозможно. Редукция описания артикуляции звука помогает создать набор четких описаний — образов, что приводит к достаточно глубокому следу в памяти.

Предлагались также следующие упражнения, направленные на развитие навыков прогнозирования трудностей и корректировки произношения. 1. Проанализировать, какие ошибки могут возникнуть у русских учащихся при произнесении английского согласного [ɹ] и т. д. Как предотвратить эту ошибку? 2. Предъявляются два звука — один произносится правильно, другой — неверно. Необходимо диагностировать ошибку. 3. Предлагается следующий метод-игра (spot the mistake): студенты должны уловить ошибку, преднамеренно сделанную преподавателем при чтении английского диалога. 4. Приводится небольшой текст для прослушивания во время лабораторной работы. Впоследствии произношение одного студента, обычно самого сильного, корректируется преподавателем. После этого корректировочная работа проводится этим же студентом. Он исправляет ошибки у следующего студента, который потом занимает его место. Таким образом, когда в конце корректировочная работа выполняется слабым студентом, он основывается на инструкциях, услышанных им от более сильных студентов.

Мы предлагаем также упражнения, направленные на выработку приемов работы по постановке произношения у детей. В этой области у студентов отмечался полный пробел, о чем говорилось выше. В качестве таких приемов рекомендуем студентам самостоятельно подыскивать образные приемы введения звуков, например: 1. Чтобы правильно произнести звуки, передаваемые буквосочетанием th, необходимо показать зубы, как будто вы собираетесь их чистить. 2. [w] — губы выдвигаются вперед, как будто вы задуваете свечу. 3. [h] — выдохните легко воздух, как вы выдыхаете его, чтобы проверить, холодно ли в комнате.

Помимо этого следует особое внимание уделить разработке педагогически направленных инструкций к самостоятельной работе студентов над произношением. Преподаватель должен обеспечить достаточно разнообразный набор инструкций, чтобы каждый студент был в состоянии подобрать, исходя из своих индивидуальных способностей, наиболее эффективные для него приемы. Предлагались в качестве образца следующие инструкции. 1. Проанализировать артикуляции русских звуков. 2. Отыскать близкие к ним по артикуляции звуки английского языка. Определить разницу в их образовании. 3. Записать и проанализировать свое произношение. Записать результат своего анализа. Сравнить его с последующим анализом преподавателя. 4. Проанализировать произношение другого студента в записи. 5. Сравнить результаты своего анализа с анализом, проведенным другим студентом.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что описанные виды учебной деятельности содействуют улучшению произношения сту-

дентов и одновременно в значительной степени формируют у них профессиональные знания, навыки и умение обучать произношению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н ю т и н а Н. Н., Е й г е р Г. В., Р о г о в с к а я Б. И. Некоторые аспекты профессиональной подготовки студентов в языковом вузе. — В сб.: Вопросы методологии и методики преподавания в высшей школе. Вып. 2. Харьков, Изд-во Харьк. ун-та, 1970, с. 120—126.
2. С о л о м а т о в К. И. О целях и задачах практического курса иностранного языка в педагогическом вузе. — «Учен. зап. Горьк. пед. ин-та иностр. яз.», 1973, вып. 56, с. 103—113.
3. З ы к о в а Н. Н. К характеристике системы обучения иностранному языку на основе комплексной организации учебного материала (первый этап обучения). — «Учен. зап. Горьк. пед. ин-та иностр. яз.», 1973, вып. 56, с. 3—25.
4. К о р н и л о в а Л. Ф. Из опыта работы кафедры немецкого языка по совершенствованию профессионально-педагогической подготовки процесса обучения немецкому языку на 1 и 2 курсах. — «Учен. зап. Горьк. пед. ин-та иностр. яз.», 1973, вып. 56, с. 112—121.
5. Т о р с у е в Г. П. Обучение английскому произношению. М., Учпедгиз, 1956. 223 с.
6. В а с и л ь е в В. А. Предупреждение и исправление ошибок в произношении английских фонем. М., Изд-во Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1969. 75 с.
7. Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку. М., Изд-во Моск. пед. ин-та иностр. яз., 1940. 344 с.

Л. М. БЕРЕЗОВЕЦ, Е. А. МЯКИШ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СИНОНИМИЧЕСКИХ ЛАТИНСКИХ И ГРЕЧЕСКИХ МОРФЕМ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Латинские и греческие морфемы являются ценными языковыми ресурсами, используемыми французским научным языком, приспособляющим их к своим внутренним закономерностям и нормам. Классические языки — постоянный источник создания и обновления медицинской номенклатуры, прекрасное наследство, использующееся по традиции не только в медицине, но и при номинации понятий, относящихся к терминологическим системам различных наук. По этимологии морфем латинского и греческого языков, их историческому проникновению во французский язык, выявлению словообразовательных закономерностей и моделей проводится много исследований. Тем не менее сравнительному изучению словообразовательной активности морфем этих языков не уделено должного внимания.

В нашей работе предпринята попытка исследовать с помощью структурно-вероятностного анализа потенциальные словообразовательные возможности латинских морфем по сравнению с греческими на материале французских текстов. Статистический анализ исследуемых морфем дал возможность извлечь из речевого материала отличительные количественные словообразовательные признаки, сопо-

ставить их концентрацию в различных подъязыках и выявить наличие дифференциальных признаков и оппозиций при распределении данных элементов по семантическим классам.

Сопоставительное изучение синонимических морфем проводилось на материале текстового массива, объем которого составил 400 тыс. самостоятельных слов. Выделено 108 пар синонимических латинских и греческих морфем, например, *circon- régi-*, *con- syn-*, *cut (i)-derm (o)-*, *forme-morphe*, *lingu(a)-gloss (o)-* и др. Исследование проводилось по четырем уровням на материале общих и медицинских текстов.

На первом уровне (уровень А — общеупотребительная лексика) исследовались подъязыки медицины, международной политики, романа (прозы), лингвистики, поэзии, искусства, спорта, химии, физики, техники; на втором уровне (уровень В — медицина) — анатомии, физиологии, терапии, хирургии, гинекологии и акушерства, педиатрии, психиатрии, инфекционных болезней, онкологии, дерматологии; на третьем уровне (уровень С — терапия) — кардиологии, пульманологии, гастроэнтерологии, гепатологии, гематологии, эндокринологии, болезней метаболизма, ревматологии, неврологии, аллергологии; на четвертом уровне (уровень Д — кардиология) — подъязыки функциональной диагностики, гипертензивных заболеваний, кардиофизиологии, электростимуляции сердца, аритмий, ишемических кардиопатий, воспалительных кардиопатий, заболеваний клапанов, невоспалительных кардиопатий, кардиохирургии.

На каждом уровне выбрано 100 тыс. слов, т. е. по 10 тыс. в каждом подъязыке. Объем каждой выборки составил тысячу лексических единиц. Служебные слова не вошли в список. С целью создания большей концентрации морфем в исследуемом материале анализу были подвергнуты только самостоятельные слова.

Касаясь частотных показателей исследуемых элементов, следует отметить, что латинские морфемы чаще употребляются в речи на каждом уровне, чем греческие. Частота исследуемых греческих морфем резко увеличивается при выходе из области общеупотребительной лексики на последующие уровни. Наблюдается явное тяготение терминологических морфем к определенным подъязыкам.

Встречаемость морфем по выборкам варьирует от одного подъязыка к другому. Устойчивым показателем по всем подъязыкам обладают латинские морфемы *com-*, *dis-*, *con-*, *ex-*, *pré-*. В общеупотребительной лексике греческие морфемы употребляются мало по сравнению с медицинскими уровнями.

Имеет место определенная конкуренция в употреблении морфем как в уровне масштаба, так и в подъязыковом. Существенные расхождения квантитативных показателей доказывают, что некоторые морфемы вытесняют из употребления в речи свои синонимические эквиваленты. Так, латинские морфемы *ab-*, *abdom(i)-*, *avi-*, *capill-*, *carbo(n)-*, *caud-*, *co-*, *dent(i)-*, *dis-*, *extra-*, *-forme*, *hypophys(o)-*, *lingu(a)-*, *noct-*, *péd-*, *puls(o)-*, *radic(i)-*, *radi(o)-*, *sal(i)-*, *sud(o)-*, *un(i)-*, *vein(o)-*, *vertébr(o)-* вытесняют из употребления синонимические

греческие морфемы apo-, lapar(o)-, ornith(o)-, trich(o)-, anthrac(o)-, cerco-, sy-, syl-, hétér(o)-, ecto-, -morphe, pituit-, gloss(o)-, nyct-, pod(o)-, sphyg(m)o-, rhiz(o)-, actin(o)-, hal(o)-, hidr(o)-, моно-, phléb(o)-, spondyl(o)-. То же происходит с греческими морфемами, которые являются более весовыми в языке, чем их синонимические латинские морфемы. К ним относятся: lip(o)-, hydr(o)-, therm(o)-, cràni(o)-, sarco-, cardi(o)-, pseud(o)-, myc(o)-, pyr(o)-, splén(o)-, path(o)-, pan-, histi(o)-, thorac(o)-, pent(a)-, ana-, gastr(o)-, hyper-, épi-, имеющие большое преимущество перед латинскими морфемами adip(o)-, aqu(i)-, calor(i)-, calv(i)-, carni-, cordi-, falci-, fong(o)-, igni-, lién(o)-, morb(i)-, omni-, pannicul-, pector(a)-, quinqu-
rétro-, stomac-, super-, supra-.

Исследуемые латинские и греческие морфемы встречаются, в основном, в существительных, прилагательных, наречиях и глаголах. Из общего количества выбранных слов латинские морфемы встретились в 2 424 словах, греческие — в 2 816. Таким образом, проанализировано всего 5 240 слов (см. таблицу). Существует сложная взаимосвязь между частотностью употребления морфем и словообразовательной продуктивностью в речи. Кажалось, если латинские элементы чаще встречаются в текстах, они должны образовать больше слов, т. е. быть более производительными. Как показывают результаты исследования, общее число употреблений латинских морфем по всем уровням составляет 28 757, греческих — 20 963. Но греческие морфемы образуют больше слов, чем латинские. Это связано с тем, что многие слова с латинскими морфемами, относящиеся к общепотребительной лексике, часто повторяются.

Очень производительны латинские морфемы: con- (образует 356 слов), com- (189), pré- (165), ex- (123), radi(o)- (68), dis- (65), post- (64), intra- (61), sub- (59), co- (58) и др.

К греческим исследуемым морфемам, являющимся очень производительными, относятся: hyper- (171 слово), anti- (129), hypo- (114), hydr(o)- (112), cardi(o)- (106), poly- (90), cyt(o)- (87), péri- (84), path(o)- (80), hém(o)- (79). Греческие морфемы чаще участвуют в образовании существительных (1 659), чем латинские (903), в то время как прилагательные образуются реже с помощью греческих морфем (1 115), чем латинских (1 242). Так, много существительных образуют греческие морфемы cyt(o)- (54), hém(o)- (56), hydr(o)- (72), path(o)- (56), poly- (56), hypo- (66), hyper- (122) и др.

Особо продуктивными относительно образования прилагательных являются латинские морфемы dis- (28), intra- (60), bi- (38), post- (57), con- (123), sub- (33), com- (68), ex- (45), extra- (32), pré- (80), radi(o)- (28), gén(o)- (40). Но некоторые греческие элементы образуют много прилагательных, а латинские морфемы способны к образованию большого числа существительных. Например, греческие морфемы: cyt(o)- (образует 32 прилагательных), hydr(o)- (47), cardi(o)- (57), end(o)- (33), poly- (34), anti- (81), hypo- (47), péri- (54), neur(o)- (31), hyper- (48); латинские морфемы: con- (155 существительных), com- (83), ex- (53), pré- (60), co- (31), radi(o)- (35).

**Общее количество слов, образованных с помощью синонимических морфем
на четырех уровнях
(по принципу морфологического разделения морфем)**

Морфемы		Части речи				Всего	
		Сущест- стви- тель- ные	При- ла- га- тель- ные	Наре- чия	Гла- голы	Коли- чество	%
Субстантивные	латин.	302	474	9	27	812	33,5
74 = 68,6%	греч.	991	605	6	9	1611	57,2
Адъективные	латин.	53	59	3	17	132	5,4
6 = 5,6%	греч.	82	69	1	—	152	5,4
Адвербиальные	латин.	27	110	2	2	141	5,8
5 = 4,6%	греч.	95	78	1	1	175	6,2
Прономинальные	латин.	1	2	—	—	3	0,1
1 = 0,9%	греч.	18	11	—	—	29	1,0
Нумеральные	латин.	58	80	6	6	150	6,2
9 = 8,3%	греч.	132	56	—	1	189	6,7
Предложные	латин.	462	517	40	167	1186	48,9
13 = 12,0%	греч.	341	296	5	18	660	23,4
Всего	латин.	903	1242	60	219	2424	100%
108 пар-100%	греч.	1659	1115	13	20	2816	100%

Многие прилагательные, содержащие латинские и греческие исследуемые элементы, образованы непосредственно из существительных, чаще всего с помощью окончания *-ique*: *péricarde* — *péricardique*, *endoscopie* — *endoscopique*, *sphygmomanomètre* — *sphygmanométrique*.

Латинские морфемы образуют в целом 60 наречий, т. е. 2,5% из общего количества анализируемых слов, в то время как греческие морфемы их образуют гораздо меньше — 13 (0,5%). Самыми производительными являются латинские морфемы: *cop-* (18 наречий), *com-* (6), *in(i)-* (5), *pré-* (5). Нельзя выделить какие-либо продуктивные греческие морфемы, так как они проявляют слабую словообразовательную активность относительно производства наречий.

Следует отметить, что подязык медицины образует свои собственные наречия, т. е. наречия, которые можно встретить только в медицинском тексте. К ним относятся: *antigéniquement*, *carcinologiquement*, *chirurgicalement*, *électrocardiographiquement*, *endoscopiquement*, *hémodynamiquement*, *histologiquement*, *orthopédiquement*, *radiologiquement*. Данные наречия образованы, в основном, с помощью греческих морфем.

Исследуемые латинские элементы являются более производительными относительно образования глаголов (219 = 9,1%) по сравнению с греческими (29 = 1,0%). Самыми активными словообразовательными глагольными формантами являются морфемы *cop-* (60 глаголов), *com-* (32), *ex-* (21), *pré-* (20), *dis-* (12). Греческие морфемы в этом отношении пассивны.

К морфемам, образующим большое число слов общеупотребительной лексики, относятся, в основном, такие латинские морфемы, как: capit-, circum-, co-, col-, com-, con-, contr(a)-, dis-, équi-, ex-, man(u)-, prę-.

В нашем эксперименте, согласно семантическому содержанию, все исследуемые синонимические пары были условно разделены по морфологическому принципу на субстантивные, адъективные, адverbиальные, прономинальные, нумеральные и предложные морфемы (см. таблицу).

Субстантивные морфемы, являющиеся самыми представительными в данном списке (74 пары), проявляют большую словообразовательную активность. Латинские морфемы данного разряда образуют 33,5% исследуемых слов, но их греческие синонимические эквиваленты еще более активны, они образуют 991 существительное и 605 прилагательных, т. е. 57% из числа анализируемых слов с данными морфемами.

Латинские и греческие адъективные (6 пар), адverbиальные (5), прономинальные (1) и нумеральные морфемы (9 пар) не являются особо производительными и не проявляют резких количественных контрастов по числу образованных слов (1—6%).

13 пар предложных морфем (12% всего состава синонимических пар) образуют в целом 1 846 слов (48,9% слов с латинской морфемой и 23,4% с греческой). Латинские предложные морфемы являются самыми производительными из всех категорий вышеуказанных морфем. Они образуют 462 существительных, 517 прилагательных, самое большое количество наречий (40) и глаголов (167). Греческие предложные морфемы уступают в этом отношении латинским эквивалентам.

Таким образом, существительные образуются, в основном, за счет греческих субстантивных и латинских предложных морфем; прилагательные — с помощью латинских и греческих субстантивных и латинских предложных морфем; наречия и глаголы — латинских предложных элементов.

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что самыми производительными из всех исследуемых морфем являются греческие субстантивные и латинские предложные морфемы.

А. И. ГАВРИЛОВА, М. П. КАПКАНЕЦ, М. А. ЛЕВАШОВА

К СОПОСТАВЛЕНИЮ ГЛАГОЛОВ В АНГЛИЙСКОМ, НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное изучение языков получает всё большее распространение в лингвистике. Для полноценного осуществления этой задачи, необходимо обобщение сопоставительных наблюдений над широким кругом примеров непереводного характера. Именно такие наблюдения в наглядной форме выявляют сходные и различные

черты лексических явлений, без чего всякий сопоставительный обзор особенностей двух или нескольких языков будет неполным [см.: 5].

Объектом данного исследования является глагольная лексика английского, немецкого и французского языков. Цель работы — выяснение некоторых общих закономерностей распределения глаголов в трёх основных европейских языках. При исследовании нами использован метод структурно-вероятностного анализа (СВА), разработанный Н. Д. Андреевым для создания распределительных словарей [см.: 1, 2]. Под распределительным словарём понимается словарь, содержащий информацию о численном распределении каждого слова по различным видам текста.

Первый семантический уровень, на основе которого проведено сопоставление глаголов в данной работе, представлен десятью подъязыками: драмы, прозы, поэзии, гуманитарных наук, экономики, биологии, химии, физики, математики, техники. В соответствующем распределительном словаре французского языка на первом семантическом уровне вместо подъязыка техники представлен подъязык спорта.

Представленность слова, величина во многих отношениях более устойчивая, чем частотность, используется не как самостоятельная характеристика, а для изучения равномерности или неравномерности распределения лексемы. Представленность слова — количество текстов, в которых данное слово встретилось. При рассмотрении их используется стандартной выборкой, состоящей из тысячи словоупотреблений. Выборки осуществлялись из тематически однородных текстов. Из каждого подъязыка брали по 10 выборок. Выборочная совокупность для каждого из сопоставляемых языков — 100 тыс. словоупотреблений. Для анализа привлекались оригинальные тексты, опубликованные преимущественно в течение двух последних десятилетий.

После математической обработки данных получены следующие численные показатели распределения лексем: относительное вхождение (ОВ), среднее вхождение (СВ) и коррелятивная функция (КФ). Отмеченными считаются глаголы с порогом встречаемости «4». В результате отбора получены списки отмеченных глаголов (494 — в английском языке, 485 — в немецком, 436 — во французском).

Для построения классификации нами применяются критерии, разработанные Р. Н. Артёмовым [см.: 4]. Слова, КФ которых ≤ 2 , имеют положительную специфичность; при КФ $< 0,5$ — отрицательную, при КФ $\geq 0,5$ и < 2 — нейтральную. В результате получаем пять типов распределения лексики (в нашем случае глагольной).

1-й тип — нейтральная лексика. Для глаголов первого семантического уровня этот тип не характерен. К нему относятся 12 английских, 10 немецких и 7 французских глаголов, что составляет в сопоставляемых языках соответственно 2,4%, 2,1% и 1,6% всех отмеченных глаголов данного уровня.

2-й тип — сугубо специальная лексика. Как показывает проведенное нами сопоставление, для глаголов во всех трех языках данный тип достаточно характерен: в английском языке сюда входят 154 глагола, в немецком — 200 и во французском — 143, что составляет 31,2%, 41,2%, 32,8% отмеченных глаголов в рассматриваемых языках.

3-й тип — группа полуспециальной лексики. Она является самой малочисленной в наших трёх распределительных словарях: сюда входят три английских глагола, один немецкий и два французских.

4-й тип — группа полунейтральной лексики. К ней относятся 25 английских глаголов, 19 немецких и 31 французский (5%, 3,9%; 7,1%).

5-й тип — группа лексики смешанной специфичности. Этот тип является наиболее распространенным для отмеченных глаголов во всех трёх языках: сюда входят 300 английских глаголов (60,8%), 255 — немецких (52,6%) и 253 — французские (58%).

Таким образом, при сравнении количественных характеристик глаголов по типам распределения в английском, немецком и французском языках наблюдается сходство. Наиболее распространенным является 5-й тип, наименее распространенным — 3-й. Сравнение количественных характеристик типов распределения рассматриваемой глагольной лексики проводится нами в двух планах: сопоставление количества глаголов, относящихся к тому или иному типу и сравнение соотношения типов внутри системы отмеченных глаголов каждого из сопоставляемых языков в процентах (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение глаголов по типам в количественном и процентном отношении

Языки	Типы распределения									
	1-й		2-й		3-й		4-й		5-й	
Английский	12	2,4%	154	31,2%	3	0,6%	25	5%	300	60,8%
Немецкий	10	2,1%	200	41,2%	1	0,2%	19	3,9%	255	52,6%
Французский	7	1,6%	143	32,8%	2	0,5%	31	7,1%	253	58%

Располагая численные данные по вертикали в порядке убывания, мы попытались проследить, в какой паре языков (английский — немецкий, английский — французский, немецкий — французский) численные характеристики ближе. Получаем ряд, состоящий из десяти сочетаний (комбинаций) двух чисел (см. табл. 2). В четырёх случаях близость чисел больше в английском и немецком языках, в трех — в английском и французском, в трех — в немецком и французском. При изучении процентного соотношения числовых характеристик в четырёх случаях они ближе в английском и французском языках, в четырёх случаях — в немецком и французском и только в двух случаях — в английском и немецком.

Таблица 2

Распределение глаголов по типам в порядке убывания

Типы распределения				
1-й	2-й	3-й	4-й	5-й

В количественном отношении

12 англ.	200 нем.	3 англ.	31 франц.	300 англ.
10 нем.	154 англ.	2 франц.	25 англ.	255 нем.
7 франц.	143 франц.	1 нем.	19 нем.	253 франц.

В процентном отношении

2,4% англ.	41,2% нем.	0,6% англ.	7,1% франц.	60,8% англ.
2,1% нем.	32,8% франц.	0,5% франц.	5% англ.	58% франц.
1,6% франц.	31,2% англ.	0,2% нем.	3,9% нем.	52,6% нем.

Аналогичным образом сопоставляются нами отмеченные глаголы по ступеням представленности (А, Б, В, Г, Д). К ступени представленности А относятся слова, которые встречаются во всех ста выборках первого семантического уровня для каждого языка. Ступень Б — слово представлено в выборках от 40 до 99. Ступень В — от 20 до 39 выборок; ступень Г — от 10 до 19; ступень Д — от 4 до 9.

При сопоставлении отмеченных глаголов английского, немецкого и французского языков выявляется также определенная общая тенденция, которая проявляется, прежде всего, в том, что от ступени А к ступени Д количество глаголов возрастает (см. табл. 3).

Таблица 3

Абсолютные величины и процентное выражение глаголов ступеней в сопоставляемых языках

Языки	Ступени представленности									
		А	Б	В	Г	Д				
Английский	1	0,2%	18	3,8%	59	11,9%	113	22,8%	303	61,3%
Немецкий	1	0,2%	15	3%	45	9,3%	104	21,5%	320	66%
Французский	1	0,2%	18	4,1%	38	8,7%	111	25,5%	268	61,5%

При сравнении абсолютных и относительных показателей распределения по типам и ступеням проявляются определённые общие тенденции распределения глагольной лексики в анализируемых языках. Сравнение тех же данных при сопоставлении каждой пары языков не выявляет большую близость данных, хотя гипотетически мы могли ожидать ее в распределении глагольной лексики английского и немецкого языков как языков родственных или между теми же данными английского и французского языков ввиду большого числа лексических заимствований французского происхождения

в современном английском языке [см.: 3]. Таким образом, сходство показателей распределения не определяется выше упомянутыми факторами (родственные языки, заимствования), а скорее вызвано, на наш взгляд, представленностью глаголов в системе подъязыков.

Таблица 4

Распределение глаголов по ступеням в порядке убывания

Ступени представленности				
А	Б	В	Г	Д
Абсолютные величины				
1 (англ.)	18 (англ.)	59 (англ.)	113 (англ.)	320 (нем.)
1 (нем.)	18 (франц.)	45 (нем.)	111 (франц.)	303 (англ.)
1 (франц.)	15 (нем.)	38 (франц.)	104 (нем.)	268 (франц.)
Относительные величины				
0,2% (англ.)	4,1% (франц.)	11,9% (англ.)	25,5% (франц.)	66% (нем.)
0,2% (нем.)	3,8% (англ.)	9,3% (нем.)	22,8% (англ.)	61,5% (франц.)
0,2% (франц.)	3% (нем.)	8,7% (франц.)	21,5% (нем.)	61,3% (англ.)

Между типом распределения слова и представленностью его существует определённая связь. В общих чертах она выглядит так: чем лучше слово представлено, тем равномернее оно распределено, но эта закономерность вероятностная, отклонения возможны.

В нашем случае соотношение типов распределения и ступеней представленности глагольной лексики имеет следующее выражение. В первый тип входят глаголы высокой представленности. В английском и немецком языках — это глаголы ступеней А и Б; во французском, наряду с глаголами данных ступеней, входит один глагол ступени В. Во 2-й тип входят глаголы низкой представленности. Во французском языке все глаголы данного типа относятся к ступени Д, в английском и немецком языках подавляющее большинство глаголов также относится к этой ступени и только два английских и два немецких глагола относятся к ступени Г. В 4-м типе встречаем глаголы ступеней Б, В, Г, Д во всех трёх языках. В 5-й тип входят глаголы ступеней В, Г, Д в английском и французском языках, а в немецком, помимо глаголов этих ступеней, — ещё три глагола ступени Б. Количество глаголов определённой ступени в наиболее многочисленных типах, 2-м и 5-м, близко в исследуемых языках. В типе 2-м к ступени Д относятся 152 английских глагола (98%), 198 — немецких (99%), и 143 — французские (100%). В типе 5-м ступени В принадлежат 50 глаголов (16,7%) английского распределительного словаря, 38 (14,9%) — немецкого, 31 (15,8%) — французского.

Обращаясь к сопоставлению содержательной стороны отмеченных глаголов, наблюдаем также некоторые интересные совпадения. Так, единственный глагол ступени А во всех трёх языках совпадает по значению. Это глагол *быть* (be, sein, être). Глагол *иметь* (have,

haben, avoir) относится в английском, немецком и французском языках к 1-му типу, ступени Б.

Удивительное совпадение наблюдается в 3-м типе распределения, где единственный немецкий глагол spielen совпадает по значению с одним из трёх английских глаголов этого типа play.

Глаголы более многочисленных типов, 2-го, 4-го, 5-го, отличаются большой пестротой значений, для сопоставления их семантики необходимо специальное исследование.

Сопоставление глаголов трёх языков показывает, что при некоторых частных расхождениях наблюдается принципиальное сходство количественных характеристик распределения отмеченных глаголов первого семантического уровня.

Итак, для сравнения привлекались два родственных языка (английский и немецкий) и один неродственный (французский). Можно предположить, что сходство показателей первого уровня распределения глаголов носит характер универсалии. Это предположение, конечно, следует проверить, сопоставляя отмеченные слова других языков на первом уровне распределения.

Вопрос о сопоставлении содержательной стороны глагольной лексики двух или нескольких языков во взаимосвязи с их количественным распределением только затронут в нашей статье и требует дальнейшего тщательного изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Н. Д. Распределительный словарь и семантические поля. — В кн.: Статистико-комбинаторное моделирование языков. М.—Л., «Наука», 1965. 502 с.
2. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., «Наука», 1967. 402 с.
3. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 351 с.
4. Артёмов Р. Н. Некоторые результаты вероятностно-структурного анализа лексики. — «Учен. зап. Горьк. пед. ин-та иностр. яз.», 1971, вып. 47. 173 с.
5. Фёдоров А. В. О задачах сопоставительного изучения языков. — В кн.: Немецко-русские языковые параллели. М., Изд-во лит. на иностр. яз., 1961. 303 с.

А. И. ГАВРИЛОВА

РЕЗУЛЬТАТЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ МАТЕРИАЛОВ ВТОРОГО УРОВНЯ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ ФРАНЦУЗСКОЙ СПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Настоящая статья является продолжением лингвистических исследований спортивной лексики современного французского языка. Метод исследования — структурно-вероятностный анализ языка [см.: 1]. Основной его частью является распределительный словарь

[см.: 2]. На концепции распределительного словаря, на сопоставлении вероятностно-дифференциальных признаков по горизонтали данного семантического уровня и по вертикали в межуровневой иерархии, соответствующей стратификации спорта [см.: 3] и основан в настоящем эксперименте семантический анализ лексики. Известно, что язык состоит из различных подязыков, обслуживающих специальные сферы человеческой деятельности (химия, биология, математика, искусство, спорт и т. д.).

Для нашего исследования был выбран подязык спорта, очень разнообразный, интересный и многогранный, так как он сам делится ещё на столько подязыков, сколько существует видов спорта. Кроме того, он разнообразен по стилю и манере изложения (репортаж, газетная заметка, журнальная статья, методические пособия, учебники).

Для обработки на втором семантическом уровне были подобраны тексты из французской периодической литературы — газеты «L'Equipe», «l'Humanité», «Midi-sport», «France-Football», «Football», «But», журналы «L'Equipe Athlétisme magazine», «L'Equipe cyclisme», «L'Escrime» за 1972—74 гг., книжные статьи и монографии видных французских теоретиков спорта и тренеров, изданных в 70-х годах во Франции. Всего было обработано 100 выборок по пяти видам спорта, т. е. по 20 выборок из подязыков лёгкой атлетики, футбола, велоспорта, горнолыжного спорта и фехтования. При выборе именно этих видов спорта мы руководствовались сте-

Таблица 1

Сопоставление типов
распределения лексики
первого и второго уровней

Тип распределения	Уровень	
	Первый	Второй
1-й	58	330
2-й	334	114
3-й	6	9
4-й	105	524
5-й	538	728

пенью развития данного вида спорта во Франции.

Для статистической обработки полученных данных второго уровня был составлен список отмеченных слов. Слова, попавшие в этот список, — это слова, прошедшие порог отмеченности, так называемый порог неслучайного появления [см.: 6, с. 10], т. е. имя существительное, встретившееся не менее чем в пяти выборках, глагол — в четырёх,

все остальные части речи — в шести. Данный список составляет 1705 слов. 591 слово первого уровня не спроецировалось на второй уровень. По типам распределения [см.: 4] эти 1705 отмеченных слов распределились следующим образом (см. табл. 1): к 5-му типу распределения — типу лексики смешанной специфичности относятся 728 слов, т. е. 42,8%. На первом уровне они составляли 62,1%. Число слов 5-го типа распределения уменьшилось за счёт перехода 1091 слова этого типа в 1-й тип. Ко 2-му типу распределения — типу специальной лексики, имеющей либо положительную, либо отрицательную специфичность, относятся 115 слов. Они составляют 6,7% слов второго уровня. Это слова:

а) подъязык фехтования: *tireur*, КФ—5; *challenge*, КФ—5; *tournois*, КФ—4; *fleurettiste*, КФ—5;

б) подъязык лёгкой атлетики: *yard*, КФ—5; *chronométrage*, КФ—2,5; *haie*, КФ—5;

в) подъязык велоспорта: *vélo*, КФ—5; *étape*, КФ—3,9; *échappée* КФ—5;

г) подъязык горнолыжного спорта: *skier*, КФ—5; *géant*, КФ—3,8; *neige*, КФ—4,7; *combiné*, КФ—4,4; *station*, КФ—4,6.

д) подъязык футбола: *passe*, КФ—5; *aile*, КФ—5; *défense*, КФ—4,6; *attaque*, КФ—2,4.

Такой высокий показатель КФ свидетельствует о терминологичности этой лексики.

Как же перераспределилась сугубо-специальная лексика первого уровня на втором?

Из 334 слов на второй уровень спроецировались 124 слова. Перераспределились они следующим образом: 1-й тип — 11 слов, 3-й тип — 2, 4-й тип — 42, 5-й тип — 64 и только 5 слов (*coeur*, *étape*, *régner*, *troubler*, *viser*) обнаружили устойчивую специфичность. 524 слова, т. е. 30,7%, составляют 4-й тип распределения. По сравнению с первым уровнем (6,5%) очень возросло количество слов полунейтральной лексики. 329 слов составляют 1-й тип (на первом уровне их было 57), т. е. 19,3% от числа отмеченных слов второго уровня. Это нейтральная, или общая лексика. При проецировании лексики с первого уровня на второй происходит нейтрализация ее. Так, слова: *alors*, *attendre*, *ainsi*, *aucun* и др. на первом уровне входили в группу полунейтральной лексики (4-й тип). На втором же уровне они нейтрализовались (1-й тип). Многие слова, составлявшие на первом уровне группу лексики смешанной специфичности (5-й тип), на втором уровне также нейтрализовались. Всего слов, перешедших в 1-й тип, 217.

Наше исследование подтверждают уже описанные [см.: 4, 5] на материалах английского и немецкого языков данные о том, что при проецировании лексики с первого семантического уровня на второй происходит нейтрализация лексики [см.: 4, 5]. Так, 9 слов составляют 3-й тип распределения (0,5%). Это следующие слова: *ça*, *conscience*, *honneur*, *matin*, *pointe*, *prévoir*, *proposer*, *résultat*, *soirée*. В подъязыке спорта первого семантического уровня лексика, которая проявила себя как сугубо специальная (2-й тип), не входившая ни в какой другой подъязык, при проецировании на второй семантический уровень либо перешла в тип лексики смешанной специфичности, либо перешла в 4-й тип — полунейтральной лексики: *contribuer*, *terrain*—v, *champion*, *épreuve*, *compétition*, *spectateur*, *sélection*, а отмеченные слова первого уровня, составлявшие сугубо-специальную лексику подъязыков химии, физики, математики, экономики, биологии, поэзии, — *industrie*, *plante*, *molécule*, *monnaie*, *équation*, *baiser* — не попали в список отмеченных слов второго уровня. Из 1003 слов первого уровня, которые спроецировались на второй уровень, 327 слов не перераспределились

по другим типам слов, а остались на прежних. Это, в основном, слова 5-го типа, затем 1-го и 4-го. Данные нашего исследования совпадают с данными исследования лексики английского и немецкого языков, проводимого группой лингвистов г. Днепропетровска [см.: 5].

Проведем диагональ соотношения (вероятностного) между типом распределения и степенью представленности (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение слов по типам представленности
во втором уровне

Тип распределения	Класс					Всего
	А 100	Б 40—99	В 20—39	Г 10—19	Д 9 и меньше	
5-й	—	1	39	190	497	728
2-й	—	—	4	35	75	114
4-й	—	30	130	197	167	524
1-й	10	104	97	49	70	330
3-й	—	—	2	2	5	9
Всего . . .	10	136	272	473	814	1705

Класс А. К нему относятся слова, представленные во всех 100 выборках. На втором уровне их 10. Это следующие слова: à, être, le de, et, un, pour, dans, avoir, par. На первом уровне не встретились во всех 10 выборках предлоги pour, par dans и глагол avoir. Это слова общей лексики (или нейтральной). По частям речи они распределены следующим образом: два глагола (avoir, être) шесть предлогов, два артикля.

Класс Б. Это слова, представленные от 40 до 99 выборок. Их 136 (36 на первом уровне). Увеличение на 63,2% произошло за счет увеличения слов 1-го типа, которые перешли в нейтральную лексику из других типов слов. В классе Б нет слов 2-го и 3-го типов.

Класс В. На первом уровне в этом классе было 175 слов, на втором — 272. Количество слов этого класса увеличилось вдвое. Увеличение по типам распределилось следующим образом: 1-й тип — на 92 слова, 2-й тип — на 2, 4-й — на 91 слово. Слов 5-го типа меньше на 88, что связано с нейтрализацией слов первого уровня при проецировании на второй.

Класс Г. Количество слов этого класса осталось примерно таким же (462 — первый уровень, 473 — второй), но перераспределение произошло тоже. Так, если на первом уровне слов 5-го типа было 419, то на втором их всего 190. Возросло количество слов 1-го и 4-го типов.

Класс Д. Здесь преобладают слова 5-го типа, т. е. лексика смешанной специфичности (497 слов), и 4-го типа, т. е. лексика полу-

нейтральная (167 слов). В количественном отношении на первом и втором уровнях большой разницы нет — 865 (первый уровень) и 814 (второй уровень).

В табл. 3 прослеживается зависимость между типом распределения и частями речи. Имен существительных на втором уровне больше на 121 слово; по типам они распределились следующим образом: 5-й тип — 356 слов, 2-й — 78, 4-й — 234, 1-й — 88, 3-й — 6 (ср. с первым уровнем: 5-й тип — 448, 2-й — 167, 4-й — 24, 3-й — 1).

Таблица 3

Соотношение между типом распределения и частью речи
во втором уровне

Тип распределения	Часть речи				Остальные части речи	Всего
	Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие		
5-й	356	192	131	29	20	728
2-й	78	22	13	1	—	114
4-й	234	135	86	49	20	524
1-й	88	75	63	48	56	330
3-й	6	2	—	—	1	9
Всего . . .	762	426	293	127	97	1705

В каком же типе распределения самая большая разница между первым и вторым уровнями? Тип 1: во втором уровне имен существительных больше на 87. Тип 4: во втором уровне — на 210. Во втором уровне наполовину меньше имен существительных сугубо специальной лексики. Глаголы, прилагательные и наречия остались почти в том же количестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторное моделирование языков. М.—Л., «Наука», 1965. 502 с.
2. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., «Наука», 1967. 402 с.
3. Артемов Р. Н., Макаров Ю. Н. Основные результаты исследования терминологической лексики спорта. — В сб.: Вопросы теории и практики физической культуры и спорта. Минск, «Высшая школа», 1973. с. 37.
4. Артемов Р. Н. Некоторые результаты вероятностно-структурного анализа лексики. — «Учен. зап. Горьк. пед. ин-та иностр. яз.», 1971, вып. 47, с. 16—20.
5. Проблемы структурно-вероятностного анализа языков. Материалы IV Межресп. семинара. Днепропетровск. 1975. 99 с.
6. Сунгуров Ш. А. Структурно-вероятностный анализ именных словообразовательных формантов. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1975. 10 с.

СТРУКТУРЫ VL-Av (СВЯЗОЧНЫЙ ГЛАГОЛ-ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ, ИМЕЮЩЕЕ ОДНОКОРЕННЫЙ ГЛАГОЛ) В РАЗЛИЧНЫХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЯХ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В наших предыдущих статьях [см.: 1, 2, 3] мы пытались определить семантические и грамматические типы структур VL-Av, их место в лексико-грамматическом поле процессуальности, их сочетаемость и т. д.

Следующей ступенью всестороннего исследования структур, типа *to be hopeful*, *to be usable* (VL-Av) является определение их места, частности и специфики употребления в стилистической сфере современного английского языка.

Стилистическому анализу структур VL-Av было подвергнуто 6 тыс. примеров анализируемых структур (по 2 тыс. примеров из текстов различных функциональных стилей — научного, газетного и художественной прозы). Известно, что все названные стили являются подсистемами языка, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями в лексике, фразеологии и грамматике. Возникновение и существование функциональных стилей обусловлено спецификой общения в разных сферах человеческой деятельности. Следует иметь в виду, что стили различаются как возможностью или невозможностью употребления тех или иных элементов и конструкций, так и их частотными соотношениями. Получение статистических данных, оценивающих вероятность каждого элемента языковой структуры в плане его функционирования в разных функциональных стилях, интересует ученых разных направлений.

Мы пытались определить, существует ли какая-либо закономерность употребления структур VL-Av в зависимости от стиля литературного языка, определить их удельный вес в различных стилях, выделить семантические группы, определить наиболее часто встречающиеся.

В первую очередь, нас интересовала частотность использования структур в различных стилях. За единицу измерения был взят печатный лист. Оказалось, что чаще всего они используются в научной прозе, где на один печатный лист приходится 3,3 единицы. За ним следует художественная проза — 1,2 на один печатный лист. Газетный стиль представлен следующими данными — 0,7 на один печатный лист.

Чем же объясняется более широкое использование этих структур в научном стиле? Мы исходим из того, что научная речь выделяется из общего языка как некая обособленная речевая подсистема, которая развивает и даже гипертрофирует в некоторых случаях одни возможности и игнорирует другие. Она характеризуется своим «конструктивным принципом, стилеобразующими полярными частями» [см.: 7, с. 55]. Многие исследователи научного стиля выделяют в качестве его ведущей особенности номинативный характер, усмат-

ривая проявление этой черты в господстве имени, а также в количественном преобладании именных построений различного рода [см.: 4, с. 10, 103—109; 5, с. 126]. «В научной речи,— указывает О. А. Лаптева,— рано возникло стремление перебазировать основную информационную нагрузку сообщения в сферу субстантивов». Проявление «номинативного характера» научного стиля она усматривает в экспансии имени за счет глагола, в насыщении конструкций субстантивами, обычно выстроенными в виде цепочки последовательно прикрепляющихся генитивов [см.: 5, с. 127]. Господство имени истолковывается как следствие экстралингвистической тенденции к возможно более точному и в то же время более экономному способу изложения. Отсюда стремление вместить в пределы одной фразы максимум необходимой информации, избавиться от избыточного многословия, хотя бы за счет внутренних конструктивных усложнений, в частности, прибегнуть к помощи категории слов с двойственными характеристиками, каковыми являются некоторые существительные, причастия, деепричастия. Именной характер приписывается научному стилю в качестве ведущей его особенности на основании: а) увеличенного числа имен по сравнению с художественной прозой и разговорной речью; б) сосредоточения информативной нагрузки фразы или словосочетания не в глаголе, а в имени.

Как указывает О. Д. Митрофанова, в современных словарях не указан целый ряд «новообразований», созданных языком науки. Например, *проецирование* (от *проецировать*), *проницание* (от *проницать*), *отыскание* (от *отыскать*). Отглагольные существительные функционируют параллельно с глагольными конструкциями и их последовательно можно трансформировать в конструкции с соотносительным глаголом. Ср.: *Можно найти достаточно точек для вычерчивания фронтальной проекции.*—*Можно найти достаточно точек, чтобы вычертить фронтальную проекцию* и др. [см.: 6, с. 55]. Эти конструкции полностью сохраняют в научном тексте главное достоинство глагола — способность управлять, выстраивать вокруг себя длинную шеренгу разнообразных и последовательно зависящих друг от друга слов.

«Номинативный» характер научной прозы в английском языке подтверждается нашим исследованием, которое было нацелено на определение удельного веса структур VL-Av, имеющих глагольно-именной характер в различных функциональных стилях. Можно предположить, что наиболее высокая частотность VL-Av (Б) в стиле научной прозы связана как с особенностями научного мышления, реализуемого в речи, так и с процессуально-качественной характеристикой VL-Av. Научному мышлению присущ объективно-рассудочный подход к действительности, классифицирующая и квалифицирующая оценка явлений. Структуры с их процессуальным и одновременно квалифицирующим содержанием оказываются удобными для изложения научных идей и процессов.

Напомним, что все структуры, синонимичные глаголу в активном залоге, объединяет группа А (*to be hopeful, to be fearful*), а структуры,

соответствующие глаголам страдательного залога, — группа Б (to be usable, to be acceptable, to be solvable). Анализ всех структур VL-Av, находящихся в нашем распоряжении, показывает, что в научном стиле преобладают структуры с пассивным значением (структуры группы Б). В процентном отношении это явление выражено следующим образом: структуры, синонимичные глаголам в действительном залоге (группа А), — 25%, структуры, имеющие значение страдательного залога с прилагательным на -able-, -(ible) (группа Б), — 75%. Преобладание структур VL-Av группы Б в научной прозе представляется закономерным по ряду причин:

1. VL-Av (Б) дают возможность представить процесс без указания на его субъект, т. е. тут действуют те же тенденции, которые обуславливают преобладание двучленных пассивных конструкций английского языка вообще и в научной прозе в особенности.

2. VL-Av (Б) представляют собой экономный, компактный способ представления процесса с одновременным выражением определенных модальных отношений.

3. Возможность использования VL-Av (Б) вместо страдательных форм для избежания синтаксической монотонности.

По-видимому, научному стилю, как никакому другому, присуще использование данных структур для выражения процесса без указания на его производителя (scientific anonymity). Таким образом, структуры VL-Av (группа Б) встречаются в научной прозе втрое чаще, чем структуры группы А. Возникает интересное и, на первый взгляд, парадоксальное положение. Явление, сложившееся в языке в устной речи, «питательной среде» всяких инноваций, оказывается наиболее употребляемым не в устной речи, а в научной прозе. Очевидно, возникнув и оформившись в устной речи, структуры VL-Av стали проникать в письменную речь науки и благодаря ряду конструктивных и семантических особенностей получили в ней широкое распространение.

В стиле художественной прозы наблюдаем иное распределение морфологических типов. Структуры с лексемами, имеющими суффиксы *ful*, *ent*, *ive*, встречаются в 60% всех случаев, структуры с лексемами, оформленными суффиксами *able*, *ible*, — в 40%. Таким образом, главенствующую роль играют структуры с адъективными лексемами, представляющими группу А, так как существует прямая зависимость между удельным весом действительного и страдательного залога и использованием синонимических структур в художественной прозе, где в центре внимания, как правило, находится человек, субъект, производящий действие: для научного же стиля, целью которого является информация об известных процессах, в ряде случаев менее существенно, кто производит действие, чем сам факт его осуществления.

Газетный стиль. Употребление структур VL-Av группы А и Б почти одинаково — группа А (Av — лексемы, содержащие суффиксы

-ive, -ent) — 52%, группа Б (Av — лексемы, содержащие суффиксы -able, -ible) — 48%.

В научном стиле нередко встречаем следующие структуры VL-Av, которые распределены по степени убывающей частотности: to be advisable, to be applicable, to be acceptable, to be suitable, to be usable, to be desirable, to be comparable, to be referable, to be suggestive, to be illustrative, to be indicative.

В научном стиле можно выделить определенные семантические линии.

1. Структуры, выражающие совет, пожелание, рекомендации и т. д.: to be advisable, to be admissible, to be desirable, to be helpful, to be recommendable, to be permissive, to be suggestive.

2. Группа структур, выражающих предпочтение, сравнение, интерпретацию и т. д., т. е. всю ту лексику, которая используется при аргументации, анализе, обосновании научной проблемы: to be comparable, to be instructive, to be indicative, to be preferable.

3. Структуры, выражающие использование, получение, открытие чего-либо нового, разрешение какой-либо проблемы: to be acceptable, to be discoverable, to be obtainable, to be reproducible, to be producible, to be realizable, to be usable, to be solvable.

4. Встречаются структуры VL-Av, приближающиеся к терминологическим образованиям: to be measurable, to be polarizable, to be phaseable, to be soluble.

Для литературного стиля наиболее часто встречающимися являются следующие структуры (по убывающей частотности):

to be hopeful	to be fearful	to be regretful
to be doubtful	to be suspicious	to be mindful
to be helpful	to be agreeable	to be scornful

Для публицистического стиля наиболее характерны следующие структуры (структуры также расположены в соответствии с убывающей частотностью):

to be acceptable	to be hopeful	to be governable
to be responsible	to be doubtful	to be questionable
to be answerable	to be advisable	to be advisable

Итак, краткий анализ использования VL-Av в художественной прозе, научной прозе и публицистике современного английского языка свидетельствует о том, что структуры VL-Av употребляются в каждом из названных функциональных стилей с известной избирательностью. Их преобладание в языке научной прозы закрепляет за ними оттенок известной книжности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даниленко Т. И. Про деякі синоніми дієслів у сучасній англійській мові (до проблеми структур типу «to be hopeful»). — «Вісн. Харк. ун-ту», 1973, № 98. Іноз. мови, вип. 6, с. 22—26.

2. Даниленко Т. И. До проблеми статусу структур типу «to be hopeful». — «Вісн. Харк. ун-ту», 1974, № 111. Іноз. мови, вип. 7, с. 38—42.
3. Даниленко Т. И. Синтаксична характеристика структур типу «to be hopeful — to be usable». — «Вісн. Харк. ун-ту», 1975, № 128. Іноз. мови, вип. 8, с. 42—46.
4. Кауфман С. И. Об именном характере технического стиля. — «Вопр. языкознания», 1961, № 5, с. 103—109.
5. Лаптева О. А. Внутрстилевая эволюция современной русской научной прозы. — В сб.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., «Наука», 1968, с. 126—185.
6. Митрофанова О. Д. Отглагольные имена существительные в научных текстах. — «Филол. науки», 1973, № 5, с. 54—65.

А. И. ДОРОДНЫХ

ОПЫТ СИНХРОННО-ДИАХРОННОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОРМ СОСЛАГАТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В современной лингвистике уже утвердилось мнение, что динамика свойственна не только диахронии, но и синхронии [см.: 3]. Процессы, происходящие в языке, обычно проявляются в нестабильности определенных конструкций, их употребительности в одних идиолектах и отсутствии в других. Поэтому в синхронных исследованиях, вскрывающих динамику языковых явлений, неизбежно обращение к количественным методам.

Количественный момент, пишет В. Н. Ярцева [см.: 9] играет большую роль в языке. Он способствует реализации тенденций, обнаруживаемых в данной области языка, давая количественный перевес тех или иных элементов системы, в результате которого возможно смещение центра тяжести, приводящее к иному членению данной микросистемы.

Многие лингвисты считают логически необходимым в языковых изменениях этап свободного варьирования. Но социолингвисты настаивают на том, что основную роль в языковых изменениях играют социальные факторы, утверждая, что так называемые свободные варианты социально обусловлены [см.: 10, с. 311]. Н. Н. Семенюк, В. Н. Ярцева и многие другие ставят вариантность в зависимость от регулирующего действия нормы [см.: 5, 8]. Оно заключается в последовательном уменьшении общего числа вариантов, в результате чего свободное варьирование приводит или к вытеснению одних форм другими, или же к их функциональной либо экспрессивной стилистической специализации. Если иметь в виду социальную природу нормы [см.: 4], то вышеупомянутые взгляды на причины языковых изменений будут казаться не противоположными, а дополняющими друг друга.

Не следует, по-видимому, представлять себе специализацию и социальную дифференциацию вариантов как однонаправленный про-

цесс. Диалектизмы иногда утверждаются в литературном языке, а архаизмы «оживают», как, например, сослагательное I (терминология А. И. Смирницкого) в британском варианте английского языка.

В настоящей работе предпринимается попытка проследить изменения в употреблении сослагательного I и сослагательного II (термины А. И. Смирницкого) и параллельно употребляющихся эквивалентов — «should + инфинитив», «would + инфинитив». Одновременно рассматриваются вспомогательные глаголы shall, will, использование которых связывают с употреблением should, would [см.: 7].

Сравнивались только доминирующие региональные варианты — АЕ и ВЕ. Материалом служили выборки из американских и английских газет за 1-е, 4-е и 8-е десятилетия XX века общей длиной в более чем 7,5 миллионов словоупотреблений.

В таблице даны частоты и доли (относительные частоты) рассматриваемых явлений по трем срезам. Условные обозначения расшифровываются так: shall, will — вспомогательные глаголы будущего времени с подлежащим в 1-м лице; should, would — вспомогательные глаголы так называемых «будущего — в — прошедшем» и «условного наклонения» (с 1-м лицом), be — сослагательное I; were — сослагательное II; should — конструкция «should + инфинитив», которая иногда трактуется как аналитическая форма сослагательного наклонения; does — формы изъявительного наклонения, употребляющиеся параллельно с сослагательным I в придаточных предложениях после глаголов типа demand, insist, suggest или выражений it is necessary, it is essential и т. д.

Рассмотрим соотношения отдельных явлений в АЕ и ВЕ и проследим их по историческим срезам.

1. Shall — will. В ВЕ существенные отклонения долей shall, will при $\frac{AD}{SE} > 3$ наблюдаются при сравнении 2-го и 3-го срезов,

1-го и 3-го, причем доля shall уменьшается. Величина $\frac{AD}{SE}$ является отношением разности долей (относительных частот) изучаемого явления в сравниваемых выборках к квадратичному отклонению средней доли этого явления в сравниваемых выборках. Если $\frac{AD}{SE} \geq 3$, то рас-

хождение сравниваемых долей следует считать существенным [подробнее об этом см.: 11]. В АЕ существенное расхождение долей наблюдается лишь при сравнении 1-го и 3-го срезов с уменьшением доли shall. Сравнение этих глаголов в АЕ и ВЕ показывает существенное расхождение их относительных частот или долей по всем трем временным срезам.

2. Should-would. В ВЕ существенными являются расхождения между 2-м и 3-м срезами, а также между 1-м и 3-м. В АЕ расхождения наблюдаются в тех же ситуациях, но $\frac{AD}{SE}$ едва превышает число 2,

что одни специалисты считают достаточным для того, чтобы признать расхождения долей существенным, а другие — нет. В обоих вариантах доля *should* уменьшается, но в *ВЕ* этот процесс ярче выражен, причем доля *should* в *ВЕ* резко падает в промежутке между 2-м и 3-м срезами и почти не отличается от доли *should* в *АЕ*. Казалось бы, можно говорить о том, что в период между 1939 и 1974 гг. изменения в употреблении *should* в *ВЕ* происходили под влиянием *АЕ*. Однако процесс вытеснения *shall*, *should* происходил одновременно в обоих вариантах. Таким образом, если *АЕ* и оказывал влияние на *ВЕ*, то выступал он только в роли катализатора.

3. *Were-was*. Уменьшение частотности *were* наблюдается только в *ВЕ*, причем этот процесс проходит медленнее, чем в случае *shall*, *should*.

4. *Be* (сослагательное I). Увеличение частот сослагательного I более плавно происходит в *АЕ*, где разность частот является существенной лишь при сравнении данных по 1-му и 3-му срезам. В *ВЕ* расхождение долей сослагательного I оказывается существенным при сравнении 1-го и 2-го, 1-го и 3-го срезов. Если бы гипотеза Ч. Барбера о возрождении сослагательного I в *ВЕ* под влиянием *АЕ* вследствие возросшего в годы войны и после нее авторитета США была верна, то существенным должно было быть расхождение частот сослагательного I в *ВЕ* при сравнении данных по 2-му и 3-му временным срезам. Следовательно, гипотеза Барбера и здесь не находит подтверждения. Сравнение частот сослагательного I в *АЕ* и *ВЕ* показывает существенные расхождения на всех трех срезах.

Здесь же уместно рассмотреть и употребление форм изъявительного наклонения в придаточных после *demand*, *insist*, *suggest* и т. д. В *АЕ* формы изъявительного наклонения появляются в таких окружениях в период после 1939 г., а в *ВЕ* они встречаются и в начале XX в., но частотность их резко возрастает в выборке за 1968—1974 гг. Расхождение долей изъявительного наклонения в *АЕ* и *ВЕ* оказывается существенным только для 3-го среза. Если бы мы стремились объяснить подобные явления лишь влиянием одного варианта на другой, то в данном случае следовало бы говорить скорее о влиянии *ВЕ* на *АЕ*.

Опираясь на полученные данные, можно сделать вывод, что направленного воздействия одного варианта на другой, в данном случае *АЕ* на *ВЕ*, обнаружить не удалось. Н. А. Коловская также пишет об ограниченном влиянии *АЕ* на *AuE*, где влияние *АЕ* ощутимо в языке австралийской прессы, тогда как в поэзии и художественной прозе *AuE* чувствуется скорее влияние *ВЕ*. Не находит полного подтверждения и часто высказываемое предположение о тенденции к выравниванию различий между региональными вариантами английского литературного языка. В начале XX века в языке газет Англии и США наблюдались значимые расхождения в употреблении *shall* — *will*, *should* — *would*, *be* — «*should* + инфинитив». Сравнивая данные по последнему срезу (1968—1974), можно сказать, что в языке газет США и Англии в настоящее время также имеются существен-

Соотношения форм сослагательного наклонения, их синонимов и глаголов shall — will.

Синхрон- ные срезы	Регно- наль- ные вари- анты	Условные обозначе- ния явле- ний	shall	will	should	would	were	was	be	should	does	Нераспо- знание синтези- ческие формы
1907	AE	частоты доли	49 0,345	93 0,655	13 0,160	68 0,840	25 0,758	8 0,242	66 0,667	33 0,333	—	—
	BE	частоты доли	146 0,598	98 0,402	118 0,599	79 0,401	79 0,868	12 0,132	30 0,175	137 0,801	4 0,024	—
1939	AE	частоты доли	15 0,278	39 0,722	6 0,261	23 0,739	17 0,895	2 0,105	47 0,797	2 0,034	—	10 0,169
	BE	частоты доли	55 0,604	36 0,396	14 0,437	18 0,563	15 0,833	3 0,167	23 0,377	28 0,460	2 0,032	8 0,131
1968	AE	частоты доли	44 0,153	244 0,847	10 0,059	160 0,941	71 0,855	13 0,145	275 0,809	27 0,079	4 0,012	34 0,100
1974	BE	частоты доли	122 0,375	203 0,625	8 0,039	195 0,961	74 0,718	39 0,282	124 0,302	228 0,554	36 0,087	23 0,056

ные расхождения долей shall-will, were-was, be-«should + инфинитив»-does.

Даже предпринятое нами синхронно-диахронное исследование не дает однозначного ответа относительно направления обнаруженных в региональных вариантах тенденций. Во всех региональных вариантах уменьшается частотность shall, should (как вспомогательного глагола) и растет частотность сослагательного I (в определенных типах придаточных). Одновременно в *BE*, австралийском и новозеландском наблюдается тенденция к вытеснению форм сослагательного наклонения. Но упомянутые явления представляют собой преимущественно возрождение когда-то приостановившихся старых процессов [см.: 1, 6], и поэтому трудно гарантировать их беспрепятственное развитие. Выборки из английских газет показывают лишь небольшое увеличение частотности was, а процесс замещения сослагательного I и конструкции «should + инфинитив» формами изъявительного наклонения затрудняется тем, что значения некоторых глаголов, например insist или suggest, интерпретируются в зависимости от формы глагола в следующем за ними придаточном. Ср.: ... his mother insisted that her son be examined by psychiatrists. Morning Star, 6.1.72.3. ... he insisted that Spassky had the collective help of a team. Daily World, 5.2.72. M—11.

В первом предложении наши информанты заменяли insist на demand, а во втором — на maintained, contended¹.

Итак, синхронно-диахронное исследование некоторых глагольных средств выражения модальных значений в *AE* и *BE* показало, что утверждения о влиянии *AE* на *BE* являются несколько односторонними. На основании полученных данных можно предположить, что в результате установившегося «равноправия» норм *AE* и *BE* неизбежно происходит их взаимная интерференция в речи англичан и американцев. Но процесс сближения этих норм начался сравнительно недавно, поэтому в близком будущем нельзя ожидать нивелирования различий между *AE* и *BE*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева З. Д. Развитие форм настоящего времени сослагательного наклонения в английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1954. 13 с.
2. Головин Б. Н. Язык и статистика. М., «Просвещение», 1971. 191 с.
3. Климов Г. А. Синхрония-диахрония и статика-динамика. — В кн.: Проблемы языкознания. М., «Наука», 1967, с. 31—33.
4. Линский С. С. О социальном аспекте языковой нормы английского литературного языка. — «Филол. науки», 1975, № 1, с. 56—63.
5. Семенов Н. Н. Некоторые вопросы изучения вариантности. — Вopr. языкознания, 1965, № 1, с. 48—55.
6. Хадеева-Быкова А. А. Сослагательное наклонение II в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1956. 18 с.

¹ В выборке из американских газет в придаточных после глаголов insist, suggest изъявительное наклонение не встречается там, где insist имеет значение «требовать», а suggest — «предлагать».

7. Щур Г. С. Об одном случае сближения норм в морфологии британского и американского вариантов английского языка.— В сб.: Норма и социальная дифференциация языка. «Наука», 1969, с. 87—103.
8. Ярцева В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М., «Наука», 1969. 285 с.
9. Ярцева В. Н. Количественные и качественные изменения в языке.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., «Наука», 1970, с. 70—87.
10. Readings in Applied English Linguistics. N.-Y., Appleton-Century-Crofts, 1964. 535 p.
11. Reed D. W. A Statistical Approach to Quantitative Linguistic Analysis.— «Word», 1949, Vol. V, N°3, p. 235—247.

Ю. Ф. ЕЩЕНКО, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИИ В СИСТЕМЕ ЯЗЫКА

Тенденция к экономии, проявляющаяся на различных уровнях языка, неоднократно привлекала внимание исследователей. Некоторые языковеды вообще пытаются отрицать какое-либо значение этой тенденции и даже ее существование. Так, Р. А. Будагов пишет: «... язык не подчиняется «закону экономии», как не подчиняется ему и сам человек. Разумеется, человек может, а иногда и обязан выполнять ту или иную работу «экономно». Природа же человека всегда будет характеризоваться универсальностью. Поэтому и человеческий язык по своей природе безграничен в своих реальных и потенциальных возможностях» [2, с. 36]. Большинство же лингвистов признают существование этой тенденции в языке. Большое значение принципу экономии придавал Бодуэн де Куртенэ. Он писал: «Языковая жизнь является непрерывной органической работой, а в органической работе можно заметить стремление к экономии сил и нерасходу их без нужды, стремление к целесообразности усилий и движений, стремление к пользе и выгоде» [1, с. 226]. Своей теорией лингвистической экономии объясняет причины фонетических изменений А. Мартине. Этот принцип в языке проявляется в постоянном стремлении достичь равновесия между противоречивыми потребностями, подлежащими удовлетворению,— потребностями общения, с одной стороны, инерцией памяти и инерцией органов речи — с другой. Два последних фактора пребывают в состоянии постоянного противоречия; взаимодействие же всех факторов ограничивается различными запретами, в результате чего проявляется тенденция к консервации языка и к устранению всех слишком очевидных нововведений» [7, с. 534].

Тенденцию к экономии языковых средств многие лингвисты неразрывно связывают с особенностями строения речевого аппарата человека и его памяти. «Принцип экономии в языке,— пишет Б. А. Серебренников,— одно из частных проявлений инстинкта самосохранения. Это — своеобразная реакция против чрезмерной затраты физиологических усилий, против всякого рода неудобств,

осложняющих работу памяти, осуществление некоторых функций головного мозга, связанных с производством и восприятием речи. Отрицание роли принципа экономии в языке равносильно отрицанию всех защитных функций человеческого организма» [8, с. 27].

Для решения вопроса об особенностях и сущности экономии в языке и его теоретического обоснования огромное значение имеют идеи системных исследований, получивших в настоящее время повсеместное распространение в науке и технике. Лингвисты отмечают одно из удивительных свойств языковой системы — его конечность как в лексическом составе, так и в грамматических правилах. «Но эта конечная языковая система,— пишет Г. В. Колшанский,— способна выразить бесконечность содержания, выработанного познающим мышлением как в пределах ретроспективного существования, так и в плане перспективного его развития [4, с. 42—43]. Конечность языка обуславливается физиологическими особенностями человека, особенностями его артикуляционного аппарата и памяти. Артикуляционный аппарат человека и его память не изменялись в процессе развития, поэтому «энергетический базис», т. е. количество знаков, которые человек способен произносить и воспринимать, является величиной постоянной. Энергетический базис одинаков для всех языков, что объясняется сходством биологической организации людей в их физиологической и психической общности. Существование в языке определенного энергетического базиса является одним из основных законов языка. Этот закон можно назвать законом постоянства состава (имея в виду постоянство количественное). Постоянство состава не абсолютно. Временно оно может нарушаться, однако в языке начинают действовать противоположные тенденции, которые ведут к устранению возникшего противоречия и к установлению прежнего равновесия. Поэтому равновесие языковой системы называют подвижным. Подвижное равновесие системы Бертулланфи определяет, как «не зависящее от времени состояние открытой системы, при котором все макроскопические величины остаются неизменными, хотя и продолжаются непрерывные макроскопические процессы ввода и вывода вещества» [10, с. 166]. Под влиянием определенных факторов равновесие может временно нарушаться за счет увеличения количества элементов в языке. Возникающее противоречие разрешается путем создания средств экономии, что ведет к устранению избыточности. Существование противоречивых тенденций в языке, в частности, избыточности и экономии, является одним из свойств языковой системы. На всех уровнях язык пронизан противоречиями, «а движение языка в диахроническом плане и функционирование его в синхроническом есть постоянное разрешение тех или иных противоречий на том или ином уровне. Эти противоречия столь же закономерны и объективны в языке, как и в любом другом природном или общественном явлении» [4, с. 56]. Возникновение, назревание и разрешение противоречий является источником развития всех явлений природы и общества. Вопрос о противоречиях в языке интересовал многих исследо-

вателей. Однако, отмечает Т. П. Ломтев, все формулировки диалектического противоречия, страдают существенными недостатками: во-первых, остается невыясненным, в чем заключается само противоречие, какие свойства одной стороны противоречия требуют изменений в другой стороне; во-вторых, остается открытым вопрос о том, как должно разрешаться противоречие, что должно потерпеть поражение в языке или в речи, что должно возникнуть в языке, чтобы было преодолено противоречие [см.: 5, с. 59—60].

В лексике противоречие возникает между «наличными средствами данного языка и растущими потребностями обмена мыслями» [6, с. 79]. Что же касается противоречия, создающегося избыточностью и экономией в грамматике, то этот вопрос нельзя считать решенным. Избыточность в грамматике понимается лингвистами по-разному и часто не находит четкого определения. «На уровне синтаксиса английского языка,— пишет Р. Е. Дудачева,— избыточность является следствием ряда действующих в языке факторов — наличия ситуации, контекста, конкретности тематики, структуры языка, в частности, употребления отдельных единиц речи, предложений и словосочетаний, действия в языке принципа аналогии» [3, с. 14—15]. Е. М. Шапиро пишет, что избыточность и экономию вообще нельзя противопоставлять — «нельзя противопоставлять принцип лингвистической экономии и избыточности, поскольку — это явления несопоставимых планов: принцип экономии — это закон языка, а избыточность — это свойство, признак реализованной речевой реакции» [9, с. 75].

Ведущее противоречие в языке — это противоречие, создаваемое избыточностью. Противоречия, ведущие к устранению избыточности, вторичны, так как являются ответной реакцией системы. В грамматике избыточность создается, по нашему мнению, аналитизмом — аналитическими словами-морфемами *shall, will, have, do* и т. д.

Слова-морфемы *shall, will, have, be* — единицы промежуточного морфолого-синтаксического уровня, в отличие от морфем *do, did*, которые являются единицами уровня синтаксического. Избыточность, создаваемая аналитическими словами-морфемами, на этих уровнях влечет создание экономных средств. Так, на морфологическом уровне длинные слова заменяются более короткими (явление замещения). На уровне синтаксическом возникают конструкции со вторичной предикацией, создаются различные типы неполных предложений за счет опущения как ядерных, так и неядерных компонентов. Уровни языка, как известно, находятся во взаимодействии. Поэтому и фонетический уровень реагирует на избыточность путем создания сокращенных форм *I'll, we've* и т. д.

Для поддержания равновесия мера избыточности должна быть прямо пропорциональна мере экономных средств. Бергаланфи отмечает одну из особенностей открытых систем: для сохранения подвижного равновесия необходима точная согласованность скоростей протекающих в них процессов.

Английский язык, как известно, идет по пути аналитического строя, что означает постоянное возрастание избыточности. В то же время в языке лингвисты отмечают рост конструкций со вторичной предикацией, увеличение различного рода моделей неполных предложений, сокращение длины предложения, уменьшение количества сложных и увеличение удельного веса простых предложений. Все эти тенденции обычно связываются с аналитизмом английского языка.

Мера избыточности, а следовательно, и количество средств экономии неодинаковы в различных языках, что зависит от строя того или иного языка. Мера избыточности и экономии различна в пределах одного языка — она зависит от стиля речи. В стиле разговорной речи мера избыточности наибольшая, что объясняется наибольшей частотностью употребляемости аналитических форм. Именно в этом стиле речи экономность проявляется наиболее полно на всех уровнях — фонетическом, морфологическом и синтаксическом. Здесь мы встречаем и стяженные формы типа I'll, we've, и конструкции со вторичной предикацией — двусоставной и односоставной, заместители, местоименные и глагольные, всевозможные типы структурно-неполных предложений. В стиле научной прозы экономия проявляется в значительно меньшей мере — в виде конструкций со вторичной предикацией и замещения. Другие же виды экономии в нем практически не употребляются. Это и понятно, так как избыточность здесь тоже невелика (по сравнению со стилем разговорной речи).

Так, экономия грамматических средств является реакцией языковой системы на избыточность, создаваемую аналитизмом. Мера экономии и ее функционирование обусловлены мерой избыточности и прямо пропорциональны ей. Регулируются эти противоречивые тенденции одним из основных законов языковой системы — законом постоянства состава.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодуэн де Куртэне И. А. Избранные труды по языкознанию М., Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
2. Будагов Р. А. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? — «Вопр. языкознания», 1972, № 1, с. 17—36.
3. Дудчава Р. Е. Структура неполносоставных предложений английского диалогического речи. Автореф. дис. на соиск. учён. степени канд. филол. наук. Тбилиси, 1965. 24 с.
4. Колшанский Г. В. Проблема противоречий в структуре языка. — В кн.: Энгельс и языкознание. М., «Наука», 1972, с. 36—56.
5. Ломтев Т. П. Внутренние противоречия как источник исторического развития структуры языка. — В кн.: Энгельс и языкознание. М., «Наука» 1972, с. 57—80.
6. Ломтев Т. П. О соответствии грамматических средств языка потребностям взаимопонимания. — «Вопр. философии», 1953, № 5, с. 17—24.
7. Мартин А. Основы общей лингвистики. — В сб.: Новое в лингвистике. Вып. III. М., Изд-во иностр. лит., 1963, с. 366—558.
8. Серебренников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., «Наука», 1974. 352 с.

9. Шафиро Е. М. О принципе лингвистической экономии. — «Учен. зап. Перм. пед. ин-та. Филол. науки», 1972, вып. 42, с. 27—39.
10. Bertalanffy L. von. Biophysik des Fließgleichgewichts. Braunschweig, 1953.

Ю. Ф. ЕЩЕНКО, канд. филол. наук

СТРУКТУРА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СТИЛЕ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Одна из особенностей предложения как простого, так и сложного в стиле разговорной речи — создание «экономных», структурно-неполных моделей. Структурно-неполные предложения являются нормой в разговорной речи — контекст и ситуация позволяют обойтись без непосредственного включения в него соответствующей сочетающейся формы. Выявление и описание структурно-неполных моделей сложного предложения, условий их возникновения позволяет вскрыть закономерности построения сложного предложения, его своеобразие в стиле разговорной речи и использовать эти модели при обучении английской разговорной речи. С этой целью было проанализировано свыше 1 тыс. сложных предложений на материале пьес английских и американских авторов (общим объемом около 1500 страниц).

Основным видом синтаксического редуцирования, который ведет к созданию структурно-неполных эллиптических предложений, является опущение компонентов предложения. Эллиптическими обычно называют конструкции, которые содержат опущенный, но однозначно восстанавливаемый элемент. Его восстанавливают либо из более широкого контекста, либо из контекста в широком смысле слова. Если сокращению подвергаются знаменательные слова (группы слов), содержащиеся в предшествующем контексте, мы говорим об анафорическом эллипсисе. При опущении союзов имеется опора на контекст ситуации в широком смысле слова и на обязательную сочетаемость компонентов данного предложения. В таких случаях мы имеем дело с неанафорическим эллипсисом.

В сложном предложении опущение компонентов в составляющих его предложениях (clauses) может быть полным или частичным. Полным эллипсисом мы называем такие предложения (clauses), в которых опущен весь основной состав. Если полному сокращению подвергается придаточное предложение, то, как правило, предложения этого типа представлены служебными словами — союзами или отрицательной частицей *not*. Неполным эллипсисом мы называем предложения, в которых опущена лишь часть основного состава.

Описание типов эллиптических сложных предложений осуществляется на основании метода подстановки подразумеваемых компонентов предложения. Это не только методический прием, но и отражение реальных процессов, осуществляемых говорящими.

Полный эллипсис. Полное опущение главного предложения возможно во второй реплике диалогического единства. Первая

реплика является семантико-грамматической базой всего диалогического единства. Диалогические единства с опущенным главным предложением можно подразделить на две группы. К первой группе относим диалогические единства, первая реплика которых представляет утвердительные структуры:

— That doesn't mean I'm rich. It's all mortgaged.

— Because you always buy more instead of paying off mortgages [3, с. 27].

Метод подстановки показывает, что главным предложением является *It's all mortgaged*, т. е. оно полностью повторяет грамматическую структуру последнего предложения первой реплики, являясь как бы его естественным продолжением. В диалогических единствах этой группы опущение главного предложения возможно в сложных предложениях с придаточными времени, причины, условия (см. предложения: 1—3).

1. — I think it is much safer to do so, Lady Stutfield.

— Until, of course, people are found out to be good [1, с. 105].

2. — You went in the spare room for the rest of the night.

— Because your father's snoring was driving me crazy [3, с. 37].

3. — You will join them later on, no doubt.

— If my public engagements permit me [1, с. 107].

В диалогических единствах второй группы процесс образования неполных сложных предложений более сложный, чем в ДЕ (диалогическое единство) первой группы:

— But Kim . . . can I call you Kim?

— If you wish [4, с. 104].

Неполное предложение второй реплики — результат применения двух трансформаций — трансформации ответа и трансформации опущения. В развернутом виде это диалогическое единство имеет следующий вид:

— But Kim . . . can I call you Kim?

— You can call me Kim if you wish.

Опорное предложение первой реплики, являющееся семантико-грамматической базой всего диалогического единства, может быть выражено разделительным вопросом:

— And you will always call me Gwendolen, won't you?

— If you wish [1, с. 324].

Если главное предложение второй реплики отрицательно, оно может быть представлено лишь отрицательной частицей *not*:

— So it's not a crime of passion?

— Not if you put it like that [5, с. 210].

— You know he won't ever see patients on Sunday.

— Not unless the fee is over a hundred [3, с. 213].

Опорное предложение первой реплики может представлять собой специальный вопрос. Функция придаточного предложения во второй реплике определяется функцией вопросительного слова первой реплики.

Опущение главного предложения в ДЕ этого типа возможно в сложных предложениях с придаточными обстоятельственными причинами времени, цели, дополнительными и атрибутивными (см. предложения: 1—5).

- 1.— Why did you not answer to my telephone calls for a long time?
— Because I didn't get them [4, c. 102].
— But how can you be sure that he doesn't love you as men love women?
— Because I cannot make him jealous [2, c. 318].
- 2.— When will she give you leave?
— When you take me out of the hands of the English soldiers [2, c. 575].
— How long have you known that?
— Since it first began [5, c. 54].
- 3.— Why did you pretend to be my guardian's brother?
— In order that I might have opportunity of meeting you [3, c. 336].
- 4.— What did you tell the waiter?
— That I was expecting a friend, but he mustn't tell anybody about it [4, c. 102].
— What are you afraid of?
— That if your parents find you disobey them, they will take you away [4, c. 103].
- 5.— I felt that I must warn him I left a message for him.
— What message?
— Only that I should be glad to see him for a moment in a matter of importance to himself [2, c. 177].

Анализ сложных предложений с опущенным главным предложением показывает, что этот процесс не является произвольным. Он зависит от семантико-грамматической структуры опорного предложения и от грамматической структуры самого сложного предложения. Главное предложение может опускаться в сложно-подчиненных предложениях с обстоятельственными придаточными причинами, времени и условия, если опорное предложение — общий вопрос или является повествовательным; если опорное предложение представляет собой специальный вопрос, то главное предложение может опускаться в сложноподчиненных предложениях с обстоятельственными придаточными предложениями причины, времени, цели, дополнительных и атрибутивными.

Полное опущение придаточного предложения возможно лишь в случае сложно-подчиненных предложений с придаточными допол-

нительными, которые вводятся союзными словами *why, when, what*:

- I think his coming down here disgraceful.
- He knows perfectly well why [1, с. 315].
- I tie a bit of string round my finger so as to remember something, but for the life of me can't remember what [5, с. 139].
- I propose to go to America in the near future.
- I haven't yet decided when [5, с. 140].

Отрицательные придаточные дополнительные предложения могут быть представлены лишь отрицательной частицей *not*:

- Dinner's ready. You're staying, Frank, aren't you
- No. I'm afraid not [5, с. 59].

Замена придаточного предложения отрицательной частицей *'not'* возможна лишь после глаголов определенной семантики. Как правило, глаголов, обозначающих умственную деятельность: *to hope, to think, to suppose, to guess*, а также после конструкций *had better, would rather*:

- I assure you I was horribly deceived in Earnest.
- Oh, I hope not, dear [1, с. 221].
- She is not in Alexandria: she is fled into Syria.
- I think not [2, с. 265].
- Well, Time magazine isn't for blockheads.
- No, I suppose not [5, с. 20].
- I won't say a word.
- You'd better not [4, с. 169].

Таким образом, при полном опущении придаточного дополнительного предложения его отсутствие восполняется либо союзным словом, либо отрицательной частицей *not*.

Неполный эллипсис. Длина сложного предложения в стиле разговорной речи может сокращаться за счет частичного опущения компонентов как в главном, так и в придаточном предложениях.

В главном предложении неполный эллипсис возникает из-за опущения подлежащего. Чаще всего опускается подлежащее, выраженное личным местоимением *I*:

- Those people are going to Manila, I think.
- Wish you were going that way! [4, с. 79].
- Oh, I don't think I've changed. See you in the morning.
- Hope you'll take me around, show me all the old places [3, с. 152].

Наличие двух собеседников в данном контексте делает излишним их упоминание. Опускаться может также безличное местоимение *It*:

- No doubt he would share his friend's last shilling if his friend was fool enough to let him [2, c. 363].
- What was it?
- Why, the silliest thing you ever heard of [2, c. 569].

Характерной чертой предложений с опущенными подлежащими *I* и *It* является опущение союзов, союзных слов, вводящих придаточные предложения. В предложениях этого типа, таким образом, трансформация анафорического неполного эллипсиса сопровождается трансформацией неанафорической. Остальные личные местоимения в функции подлежащего опускаются редко:

- What did he say to that?
- Said he supposed so, or you wouldn't dare to break the law so scandalous [2, c. 51].
- Wonderful woman, Lady Markby, isn't she?
Talks more and says less than anybody I ever met [1, c. 226].
- Who could have blamed her?
- (Calling out to Grossman) Know what she told me last winter when I met her at the Club? [1, c. 115].

Частичное опущение компонентов в главном предложении возможно также в результате опущения части сказуемого (группы сказуемого). В таких случаях вспомогательный или модальный глагол представляет все сказуемое. Анализ фактического материала показывает, что частичное опущение сказуемого в главном предложении ограничено типом сложного предложения с придаточными обстоятельственными:

- You want to save money?
- I never could in my life.
- You could if you stayed on the place [3, c. 273].
- Now I am quite out of my depth. I usually am when Lord Illingworth says anything [1, c. 140].

В придаточном предложении частичное опущение компонентов чаще всего наблюдается в придаточном дополнительном:

- I hope, Cecily, you are inattentive.
- Oh, I am afraid I am [1, c. 307].
- Have you got a mother?
- Have I ...? Well, now, let me see ... yes, I believe I have [4, c. 118].
- Are you sure they'll both come back today — Douglas and Rod?
- I know they will! [4, c. 22].

Следует отметить, что в 96% придаточных дополнительных предложений частичное опущение ядерных компонентов сопровождается опущением союзов, иными словами, трансформация анафориче-

ского неполного эллипсиса влечет трансформацию неанафорическую. Вторым по частотности типом придаточного предложения с неполным опущением является придаточное обстоятельственное предложение сравнения [см.: 12, с. 8]:

- He knows his constitution as no other doctor could [3, с. 28].
- I am afraid, Caroline, that dear Lord Illingworth doesn't value the moral qualities in women as he should [1, с. 101].

Неполные обстоятельственные придаточные предложения условия являются третьими по частотности употребления (9,7%):

- Can they unburn me?
- If they could, they would think twice before they did it [2, с. 573].
- You won't even walk over with me, just to the door?
- Certainly I will.
- No, you don't have to. I just wanted to see if you would [3, с. 144].

В остальных типах придаточных предложений частичное опущение встречается гораздо реже — в придаточных времени — 2,1%, причины — 1,5%, цели — 0,9%:

- Sophie, Mother didn't mean to be sharp with you. But when she is, you mustn't let her [3, с. 141].
- I had to be brave because you were [2, с. 592].
- I wish to God she'd go to bed so that I could too [3, с. 122].

Сокращение длины сложного предложения возможно также за счет опущения инфинитивных сочетаний, которые представляются лишь инфинитивной частицей to:

- She doesn't have to wear a napkin if she doesn't want to [5, с. 99].
- I'll stay for a few days if you'd like me to [3, с. 216].

Репрезентант to встречается чаще всего в придаточных предложениях условных и дополнительных. Однако объем статьи не позволяет подробно остановиться на этом виде неполного анафорического эллипсиса.

Итак, на основании изложенного фактического материала можно сделать следующие выводы:

1. Полное сокращение главного предложения зависит от структурно-грамматических особенностей опорного предложения первой реплики и от структуры самого предложения второй реплики.
2. Полное сокращение придаточного предложения происходит лишь в придаточных дополнительных предложениях.
3. Неполное сокращение главного предложения происходит за счет опущения подлежащего или части сказуемого. Опущение того

или иного компонента обусловлено структурой сложного предложения (типом придаточного предложения).

4. Неполное сокращение придаточного предложения возможно лишь за счет опущения части сказуемого.

5. Неполное опущение основных компонентов как в главном, так и в придаточном предложениях (неполный анафорический эллипсис), как правило, сопровождается опущением союзов, союзных слов в придаточном предложении (неанафорический эллипсис).

6. Придаточные дополнительные предложения в отличие от других типов предложений подвергаются действию двух типов трансформаций — анафорического эллипсиса (полного и неполного) и неанафорического эллипсиса (из-за опущения союза *that*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wilde O., Plays M. Foreign Languages Publishing House, 1961. 360 с.
2. Shaw B. Selected Works. M., Foreign Languages Publishing House, 1958. 808 с.
3. Three American Plays. M., Progress Publishers, 1972. 381 с.
4. Brand M. Plays. M., Progress Publishers, 1965. 232 с.
5. English One-Act Plays of Today, Oxford University Press, London, Toronto, 1962. 151 с.

В. И. КАРАВАШКИН

О «ЧИСТОТЕ» ВЫРАЖЕНИЯ КАУЗАЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Известно, что постулат Фердинанда де Соссюра «язык — система» был принят в свое время лингвистами за исходный. Признание системного характера языка как и системности самой объективной действительности побуждало и «побуждает науку доказывать эту систематическую связь как в частностях, так и в целом» [1, с. 35]. Не случайно К. Бюлер видел задачу лингвистики в том, чтобы «охватить поле символов языка в целом и системно расчленив его» [8, с. 149].

Первоначальное постулирование, а в дальнейшем доказательное установление системного характера языка на разных уровнях и в разных частных его аспектах открыло перед лингвистикой новые перспективы. Об этом справедливо говорит Р. А. Будагов в одной из своих работ [3, с. 9]: «В мировой лингвистической литературе имеется множество работ, показывающих, как быстро стала продвигаться вперед наука о языке, когда сам язык стал осмысляться как система...»¹

¹ Под системой языка мы вслед за Г. В. Колшанским понимаем «совокупность разнородных (разноуровневых) составляющих язык элементов, обнаруживающих взаимосвязь и взаимообусловленность как относительно друг друга, так и в соотношении с целым, составными частями которого они являются» [4, с. 38].

Одним из подходов к исследованию системности языка является полевой. Если в начальном периоде своего становления теория «поля» ограничивалась только словарным составом языка, то в настоящее время она применяется при исследовании явлений всех языковых уровней и аспектов. Понятие и термин «поле» прочно вошли в работы лингвистов разных стран как зарубежных (K. Boost, H. Brinkmann, P. Grebe, E. Leisi, W. Porzig, L. Weisgerber), так и отечественных (В. Г. Адмони, О. С. Ахманова, А. В. Бондарко, Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс, Н. Г. Долгих, А. П. Комаров, Е. А. Крашенинникова, Н. М. Минина, В. М. Павлов, М. Д. Степанова, Г. С. Щур, А. А. Уфимцева и др.). «В этом понятии,— говорит Н. М. Минина,— удалось найти такую величину, которая позволяет с большей степенью адекватности описать микроструктурные взаимодействия единиц, происходящих в разных аспектах языковой системы» [10, с. 26]. Рассмотрение языка как системы предполагает взаимосвязь и взаимозависимость ее частей, которые соотносятся в виде иерархии уровней. Единицы каждого уровня обладают «набором присущих им свойств и качеств, отличающих их от единиц других уровней, с одной стороны, и связывающих их с единицами остальных уровней, с другой стороны» [7, с. 79]. Одним из аспектов взаимодействия уровней является возможность выражения одного и того же семантического содержания средствами разных уровней. В своей исключительно интересной работе «О лингвистическом статусе каузальной связи» и в докторской диссертации А. П. Комаров, не претендуя на охват всех имеющихся в современном немецком языке способов выражения каузальности, подвергает анализу четыре класса структур, включенных им в «центральный сегмент» реляционного поля каузальности [см.: 5, с. 5]. Эти классы, по словам автора, выражают каузальные отношения в «максимально чистом виде», т. е. не отягчены никакими другими оттенками [см.: 6, с. 10, 59; 5, с. 158]. Речь идет 1) о сложных предложениях, 2) о предложениях с причастными и инфинитивными конструкциями, 3) о словосочетаниях и 4) о сложных словах. На периферии располагаются структуры в зависимости от степени убывания чистоты каузального значения.

Итак, в центр реляционного поля каузальности включены как эксплицитные, так и имплицитные средства, выражающие каузальность «максимально чисто».

В данной статье на примере класса каузальных сложных слов делается попытка показать разностепенность чистоты выражения каузальной связи средствами одного уровня и выразить тем самым сомнение в правомерности объединения в «центре» поля целых классов разноразрядных единиц. Каждый из них может сам по себе интерпретироваться в плане полевой организации. Поскольку в языке есть эксплицитные и имплицитные средства выражения какого-то семантического содержания, то по формальным признакам в «центральный сегмент» следовало бы включить эксплицитные средства, а имплицитные расположить на периферии. Однако языковой мате-

риал свидетельствует о том, что даже придаточные предложения с *weil*, которым Е. В. Гулыга и Е. И. Шендельс отводят роль доминанты каузального поля [см.: 9, с. 310], не всегда одинаково чисто выражают каузальные отношения, не говоря уже о предложениях с союзами *da*, *denn*, которые выражают и темпоральное значение и имеют дополнительный оттенок логического обоснования. Очевидно, с авторами следует согласиться в том, что союз *weil* действительно больше других средств приспособлен для выражения каузальной связи. Сравним следующие предложения с союзом *weil*:

«Er hatte nur gezögert, weil in ihm das Gefühl gewesen war, Klaus Dirksen werde selbst anfangen» (Götz R. Richter).
«Der Unfall ist passiert, weil uns heute früh eine schwarze Katze über den Weg gelaufen ist» (H. Berger).

В первом предложении выражена каузальная связь: налицо причина и следствие. Во втором — действительная причина отсутствует, следовательно, чисто выраженной каузальности здесь нет. Таким образом, даже предложения с *weil* можно рассматривать в плане полевой организации, с одной стороны, как действительно причинные, а с другой — как «псевдопричинные», т. е. как разносегментные структуры. Один и тот же эксплицитный маркер выражает одно и то же семантическое содержание с разной степенью чистоты. Аналогичную картину обнаруживают и предложные сочетания, которые здесь не рассматриваются.

Если эксплицитные способы выражают определенное содержание с разной степенью чистоты, то возникает вопрос, как же выражают аналогичное содержание имплицитные способы, в частности, сложные слова.

В вышеуказанной работе А. П. Комарова сложные слова — субстантивные, адъективные и вербальные — находятся также в центральном сегменте каузального поля. С нашей точки зрения, соответствующие субстантивные композиты выражают не чисто каузальную связь, а каузально-атрибутивную, поскольку обстоятельственная связь является онтологической для прилагательных, наречий и глаголов. В процессе становления сложного слова (существительного) произошло перераспределение связей, а точнее совмещение каузальной и атрибутивной связей в одной структуре. Поэтому субстантивные композиты не могут находиться в центре композитного микрополя. По степени чистоты выражения каузальной связи они находятся в одном из периферийных сегментов. Что же касается адъективных, причастных и глагольных композит, то они могут выражать каузальное содержание, с одной стороны, достаточно чисто в собственном микроконтексте. Это так называемые внеконтекстуальные композиты. К этой группе относятся такие сложные слова, как *angstbleich*, *regennaß*, *frostblau*, *regenfeucht* и др. Здесь для определения типа выражаемой связи вполне достаточно внутренней

синтагмы. С другой стороны, выделяется группа сложных слов, чистота семантического содержания которых может быть определена только в широком контексте. Это так называемые контекстуальные, или контекстуально обусловленные композиты. К этой группе относятся такие, как *erdbraun, nachtdunkel, erdgrau, schneeweiß* и др. Так, каузальное содержание в сложном слове *schneeweiß* обнаруживается в контексте: *Die Nacht ist schneeweiß. Der Schnee leuchtete. Der Himmel blitzte von Sternen* (J. R. Becher).

А. П. Комаров среди композит также признает группу слов, «каузальность семантики которых обнаруживается в определенной дистрибуции. Это потенциально каузальные композиты» [6, с. 45]. Признание потенциально каузальных композит свидетельствует о наличии разной степени чистоты выражения их каузального содержания.

Следовательно, даже внутри класса однородных единиц степень чистоты выражения различна, поэтому включать в центральный сегмент каузального поля целые классы разноразных структур не совсем правомерно. Каждое из этих средств может достаточно чисто или менее чисто выражать то или иное семантическое содержание. Каузальные сложные слова представляют собой композитное микрополе со своим центром и со своей периферией.

Какие же факторы будут релевантными при выделении центра и периферии класса сложных слов в плане их полевой интерпретации? Предварительные наблюдения свидетельствуют о том, что определяющими будут семантические свойства исходных основ. В тех случаях, когда непосредственно составляющие сложных слов однозначны, степень чистоты выражения будет максимальной. Эти композиты и составляют центр (ядро) композитного микрополя каузальности

bleich, blau, feucht, naß;

schreckensbleich, regennaß...

Angst, Schrecken, Regen, Frost;

Если же один из конstituентов композит (или оба) многозначны или употреблены в переносном значении, то о «максимальной чистоте» выражения не может быть и речи, следовательно, не может быть и речи о центральном сегменте. Здесь речь может идти только о периферийных сегментах.

Следовательно, степень чистоты выражения каузального содержания сложными словами находится в прямой зависимости от моноили полисемии исходных основ, их стилистической маркированности (немаркированности), степени метафоричности их употребления. Поэтому прав А. В. Бондарко в том, что языковые разнородные элементы, взаимодействуя, «сохраняют свою специфику и ни в какой мере не сливаются, не ассимилируются и не смешиваются» [2, с. 20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20. 338 с.
2. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971. 114 с.
3. Будагов Р. А. Ф. Энгельс и некоторые проблемы языкознания. — В сб.: Ф. Энгельс и языкознание. М., «Наука», 1972, с. 7—20.
4. Колшанский Г. В. Проблема противоречий в структуре языка. — В сб.: Ф. Энгельс и языкознание. М., «Наука», 1972, с. 36—56.
5. Комаров А. П. О лингвистическом статусе каузальной связи. Алма-Ата, 1970. 220 с.
6. Комаров А. П. Система средств выражения причинно-следственных отношений в современном немецком языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук. М., 1973. 68 с.
7. Стелсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., «Наука», 1975. 110 с.
8. Bühler K. Sprachtheorie. Jena, 1939.
9. Gulyga E. W., Schendels E. I. Die feldmäßige Betrachtung der Sprache. — «Deutsch als Fremdsprache», 1970, 5, с. 310—320.
10. Minina N. M. Semantische Felder — leicht gemacht, praktisch angewandt. «Выш. школа», М., 1973. 140 с.

С. А. КИБУК

ЕЩЕ О ЗАМЕСТИТЕЛЯХ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как указывалось ранее [см.: 1], в лингвистической литературе мнения относительно состава слов-заместителей расходятся, но языковеды, по-видимому, единодушны в том, что заместителями могут быть только слова, не ставя даже вопроса о заместительной функции единиц других уровней структуры языка. Существуют расхождения и в трактовке природы замещения. Не всегда четко разграничивают замещение и репрезентацию.

Мы считаем, что заместителями могут быть единицы разных уровней: 1) слова-заместители, 2) морфемы-заместители, 3) предложения-заместители.

1. If you really care for pictures, he said here's my card.
I can show you some quite good ones any Sunday, if you are down the river and care to look in (Galsworthy J. To Let. Fl. P. H. M., 1954, p. 46).
2. — Has Fleur got her summer dresses?
— You don't ask if I have mine (To Let, p. 59).
3. — I've often talked so harshly of him to you, and yet I loved him.
— So I did (Greene Gs. Three plays. Mercury books, L., 1962, p. 101).

Среди слов-заместителей мы различаем слова, основной функцией которых является замещение, и слова, которые могут выступать в этой функции. К первым относятся только два слова: do, one,

а ко вторым — слова разных частей речи: 1) имена существительные, 2) местоимения, 3) глаголы, 4) наречия, 5) частицы.

Говоря об именах существительных в заместительной функции мы имеем в виду существительные типа *thing, man, way, fact* и т. п. *Life is a fine thing*. По нашему мнению, вышеперечисленные существительные нельзя относить к классу слов-заместителей, главным образом, потому, что они не достигли той степени обобщенности, которая характеризует слова-заместители. Они отличаются от слов-заместителей большей лексической конкретностью. Так, слова *thing, matter, affair* не могут быть употреблены вместо одушевленных существительных, что свидетельствует о сохранении ими известного вещественного значения, того самого, которое они имеют, когда не выступают в заместительной роли: *I like beautiful things*.

Трудно согласиться с теми, кто относит все местоимения к словам-заместителям. Устинова Н. Ф. справедливо отмечает: «способность замещать слова является для местоимений вторичной характеристикой и не может служить их определением как части речи, тем более, что далеко не все обладают способностью замещать имена существительные» [2]. Местоимения могут употребляться в функции замещения, но для них эта роль не является обязательной и постоянной. Так, например, не требует доказательств то, что *I, you* никогда не выступают в качестве заместителей. В предложении *It is cold* местоимение *It* ничего не замещает. Оно не имеет антецедента. В предложении *That book is good* слово *That* не является заместителем.

Местоимение в заместительной функции сохраняет в значительной степени свое собственное кодовое лексическое значение, очень обобщенное, что вообще свойственно местоимениям [см.: 3]. В предложениях, которые приводятся ниже, *it* и *that* выступают в заместительной функции.

But theirs was a life which if one has ever lived it, or been close to it never quite relinquishes its last finger-hold upon one (Snow. *C. P. Corridors of Power.*, L., Penguin books, 1972).

It's terribly hot here.

I was thinking that too (Braine. *J. Room at the Top*. FLP. H., M., 1961, p. 147).

«Were you in the war?» — asked Val.

«Ye-es. I've done that too» (To Let., p. 82).

Следовательно, нужно более строгое использование терминов слова-заместители, слова в роли заместителей или слова, выступающие в функции заместителей. Слово, выступающее в функции заместителя, этимологически связано с той частью речи, к которой оно относится. Словами-заместителями мы называем слова, единственным лексическим значением которых является ссылка на замещаемое. Они обладают лексико-грамматическим значением той части речи, к которой относится замещаемое, и последовательно используются для замещения. Конструкции со словами-заместителями всег-

да обратимы. У слов-заместителей обязательно есть antecedent или postcedent

— Feud? What feud!

— The one that exists in your imagination, dear (To Let, p. 146).

Способность слов выступать в заместительной функции не специфическая черта английского языка. Явление замещения наблюдают в немецком, русском, литовском, норвежском, датском и других языках. Оно осуществляется словами различных классов (местоимением, глаголом, именем существительным, наречием и т. д.). Но не относится к обязательной и постоянной функции данного класса слов. Например, наречие *so* выступает с заместительной функцией, как правило, после глаголов умственной деятельности или речи *think, believe* и др.

— Are you feeling quite well, Teresa?

— I think so, Helen (Greene, p. 39).

So здесь замещает целое предложение, в то время как в предложении *It's so nice here* оно не обладает заместительной функцией, а имеет все признаки наречия как части речи.

Как уже упоминалось, в лингвистической литературе часто неправильно отождествляются заместители с репрезентантами. Между ними имеется существенное различие. При репрезентации (представительстве) часть выступает вместо целого, при замещении появляется качественно новый элемент, отличный от замещаемого. Иначе говоря, в отличие от субститута, репрезентант сохраняется при развертывании конструкции. Специфичен для английского языка репрезентант *to*: *Would you like to go to the park? I'd like to*. Однако репрезентантами могут быть и некоторые местоимения, глаголы, частицы.

I wish you'd stay — Sorry, but I'd rather not.

— You do really love her, don't you?

— Yes, I do.

— Me, too (Greene, p. 235).

Предметом нашего исследования являются так называемые притяжательные местоимения абсолютной формы: *mine, hers (his), yours, ours, theirs* и их роль в явлении замещения (субституции). Мы уже писали о том, что эти местоимения следует рассматривать не только на словесном уровне, но и на морфемном уровне [см.: 1]. Б. С. Хаймович считает, что развитие особых морфем у данной группы местоимений связано с развитием системы заместителей в английском языке [см.: 4]. Морфемы *-ne, -s* в словах *mine, yours, hers, theirs, ours* передают значение замещения. Интерпретация морфем *-ne, -s* как морфем-заместителей позволяет объяснить, почему эти слова употребляются абсолютно, т. е. не перед существительным, и почему в тексте, где они употреблены, обязательно должен быть antecedent.

В самом деле, в предложении *His brain was just as full of knowledge as theirs* слово *theirs* заменяет словосочетание *their brains*, первое слово которого (*their*) просто повторяется в первой части слова (*theirs*), а второе слово (*brains*) замещено морфемой *-s*. Поэтому после *theirs* не может быть существительного. Для морфемы *-s* антецедентом в приведенном предложении является слово *brain*, а замещаемым — слово *brains*.

Рассмотрим оппозицию замещения на разных уровнях структуры языка. На уровне грамматных меризмов существует бинарная привативная оппозиция, которую лексически можно представить как замещение-незамещение. Поскольку меризм замещения соотносится с определенными сегментами плана выражения [n] или [z], он образует отдельную однозначную морфему. Ясно, что на морфемном уровне членами оппозиции становятся двуплановые единицы. Но, поскольку в плане содержания члены оппозиции остаются однозначными, в общей основе нет ни одного значения для сравнения, мы фактически имеем дело лишь с одной инвариантной грамматической оппозицией. На уровне слова все обстоит иначе. Граммы слов *mine*, *ours* становятся двузначными за счет дополнительного значения «притяжательный падеж», который вместе с лексическим значением попадает под общую основу для сравнения. Поскольку элементы общей основы изменяются, образуется совокупность одномерных пропорциональных оппозиций с одинаковым коррелятивным признаком замещение-незамещение, т. е. корреляция, которую по маркированному члену можно назвать категорией замещения.

На уровне предложения члены оппозиции замещения отличаются один от другого своими функциями. Слово, содержащее морфему-заместитель, может выступать в функции различных членов предложения: 1) подлежащего, 2) предикативного члена, 3) дополнения.

1. — You shouldn't buy cases for books.
 You ought to buy them for wear.
 — Yours hasn't worn so well (Greene, p. 193).
 — This is the first time you've been to this club? This or
 any Conservative club, I said. My father'd turn in his
 grave if he could see me?
 — So would mine, lad. But we've not bound by our fathers
 (Braine, p. 226).
2. ...it would make me experience again that moment twenty
 years ago. When I'd seen the mangled body of the budje-
 rigas and had known without the shadow of a doubt that
 the guilt was mine (Braine, p. 175).
3. Val: I've got my gear (Picks up suitcase. She rushes to seize
 his guitar).
 Lady: Then I'll go up and get mine (Three American Plays,
 p. 301).

Как видно из первого примера, функции заместителя и антецедента не всегда совпадают. Антецедент *cases* выступает в функции допол-

нения, а слово *yours*, включающее заместитель *-s*, — в функции подлежащего. Существует также различие в объеме антецедента у морфемы-заместителя, слова-заместителя и предложения-заместителя. У предложения-заместителя антецедентом является либо предложение, либо еще больший отрезок текста. У слова-заместителя диапазон больший. Антецедентом может быть слово, словосочетание, предложение, целый отрывок текста.

По замещаемому морфемы-заместители можно разделить на: 1) морфемы-заместители слова, 2) морфемы-заместители словосочетания.

1. They had been studying about life from the books while he had been busy living life. His brain was just as full of knowledge as theirs, though it was a different kind of knowledge (London J. Martín Eden, F. L. P. H. M., 1954).
2. — The seven thousand is yours if you' ll guarantee that Gertrude does no more drudgery. Is it a go? (Martin Eden, p. 402).
— You've nothing to fear. You've got the whole future.
— I only want one as long as yours.

В последнем примере между морфемой-заместителем *-s* и антецедентом опосредованная связь.

Морфем-заместителей предложений мы пока не встречали и вряд ли они существуют.

Оппозиции *my-mine*, *her — hers* и *pr. — продукт* сравнительно позднего развития, в среднеанглийском *mī*, *mīn* существовали как фонетические варианты и превратились в грамматические оппозиции только в новоанглийском. А морфему *-s* в словах *hers*, *ours*, *yours* добавили специально для образования оппозиций *her-hers*, *our-ours*, хотя в XIV в. уже встречается абсолютная форма. С 1380 Wycliff Three Teatires *pāt pē pōpe may do no symonye for alle benefices ben hisis* (Oxford Dictionary).

Формы *hisn*, *hern*, *ourn*, *yougn*, *theirn*, вероятно, по ассоциации с формами *my-mine*, *thy-thine* образовались в южноанглийских диалектах, где встречаются и сейчас. XVIII 1748 Richardson *Clarissa*. When you are *hisn* (Oxford Dictionary).

Итак, наряду с двумя словами-заместителями мы обнаружили в английском языке две морфемы-заместители. Поскольку «замещение» мы считаем лексическим значением, морфемы-заместители *-s* и *-ne* — лексические морфемы, но их своеобразие состоит в том, что они также являются носителями грамматических значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кібу́к С. О. Про слова-замісники та морфем-замісники в сучасній англійській мові. — «Вісн. Харк. ун-ту», 1975. Іноз. мови, вип. 8, с. 71—75.
2. Устинова Н. Ф. Местоимение как часть речи в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1951. 15с.

3. Khaïmovich B. S., Rogovskaya B. I. A Course in English Grammar. M., 1967, 297 p.
4. Хаймович Б. С. Грамеміка англійських особових займенників. — «Вісн. Харк. ун-ту», 1972. Іноз. мови, вип. 5, с. 80—86.

К. И. ЛАНЕЦКАЯ, канд. филол. наук

ПЕРЕВОД ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Инфинитивные предложения в немецком языке разнообразны по выполняемой ими функции [см.: 4]. Наиболее распространенный тип — побудительные, имеющие устойчивую структуру; главный член их — независимый инфинитив, при котором возможны распространяющие его члены. Это один из видов односоставных глагольных предложений, например: *Abwarten! Los, weiterfahren! Herhören!* В немецком языке существует много других инфинитивных предложений, тесно связанных структурно и семантически с контекстом или с предложениями диалога, где они могут выполнять различные коммуникативные задачи и иметь всевозможные эмоциональные оттенки [см.: 2].

Перевод инфинитивных предложений с немецкого языка на русский представляет определенные трудности, так как в этих языках нет полной аналогии структурных типов и их функций, следовательно, нет и аналогии в их употреблении.

В данной статье будут рассмотрены способы перевода основных типов побудительных инфинитивных предложений немецкого языка, которые требуют особого внимания при переводе — анализа особенностей структуры и связанных с этим оттенков смысла.

Структурное сходство чаще всего наблюдается при сравнении нераспространенных инфинитивных предложений немецкого и русского языков с побудительной модальностью. В русском языке они выражают наиболее категорический приказ [см.: 1] и подразделяются на: а) собственно повелительные предложения, как, например, *Молчать! Не смей!* и б) повелительные предложения с оттенком долженствования, выражающие приказ, просьбу. Например: *Ну, скорей гулять!* В немецком языке инфинитивные побудительные предложения могут выражать оттенки от категорического приказа до совета или просьбы: в структурном отношении они однотипны. Их перевод представляет интерес, так как при наличии сходных структурных типов инфинитивных предложений в обоих языках они не во всех случаях адекватны и не могут быть переведены той же формой глагола. В большинстве случаев способ перевода определяется характером модальности, которая присуща всем типам инфинитивных предложений [см.: 3]. Аналогичными структурами переводятся чаще всего инфинитивные предложения, выражающие категорический приказ (в 70%). Например: *Maul halten! Brüllte Wölzow*

(Noll).— *Молчать! Заорал Вольцов. Abführen! (Bredel).— Увести! Beitreten! Herhören! (Seghers).— Подойти! Слушать! Различие* в структуре наблюдается в тех случаях, когда немецкие возвратные местоимения при инфинитиве не употребляются, а в русском языке глагол содержит частицу -ся. *Fertigmachen! (Noll).— Приготовиться: Umdrehen (Bredel).— Повернуться! Распространенные инфинитивные предложения немецкого языка переводятся той же конструкцией, только порядок слов в русском языке иной: Spinde Leer machen! (Noll).— Освободить шкафчики! В некоторых случаях второстепенные члены предложения и характер самого глагола в инфинитиве требуют изменения структуры предложения с сохранением неопределенной формы глагола: Mal herhören! (Bredel).— Слушать меня! Straße unter Beschluß nehmen! (Bredel).— Обстрелять дорогу! Liegenbleiben! (Noll).— Не вставать больше! Motoŕen warmlaufen lassen! (Noll).— Разогреть моторы! В русском языке для выражения спортивной или военной команды употребляется глагол повелительного наклонения в единственном числе, например: *Стройся! На линейку становись! В немецком языке с этой целью употребляются чаще всего инфинитивные предложения, которые в 15% переводятся повелительной формой глагола с той же модальностью: Hinlegen! Sie warfen sich auf den Acker (Noll).— Ложись! Они бросились ничком на вскопанную землю. Antreten! Abzählen! (Bredel).— Стройся! По порядку номеров рассчитайтесь! Однако в немецком языке инфинитивные предложения однотипной конструкции обладают большим разнообразием эмоциональных оттенков, чем в русском,— кроме категорического приказа, они могут выражать указание, совет, просьбу, пожелание и переводятся императивом. Vor der Überschrift eine Zeile leer lassen! (S. Zweig).— Перед обращением пропусти строку. Laden, dann weg! (Noll).— Заряжай и бежим!**

Перевод повелительной формой глагола может иметь место, если в немецком предложении есть обращение: *Eingießen, Rekrut! (Noll).— Наливай, новобранец! Zellner und Meermann, Schulze holen! (Noll).— Цельнер и Мерман, отправляйтесь за Шульце. Nun hör' alles auf! schrie er, rauskommen! (H. Mann).— Эй, вы, там, вылезайте! В этих случаях интенсивность эмоциональности передается только интонационно, или же она определяется соседними предложениями — schrie er.*

В приведенных примерах, таким образом, прослеживается закономерность: в немецком языке побудительные инфинитивные предложения более разнообразны по характеру модальности, их эмоциональный диапазон более широк, чем у соответствующего типа русских предложений [см.: 3]. Следующие предложения содержат рекомендацию и указание, они переведены на русский язык императивом: *Immer auf Gottfried hören! (Remarque).— Всегда слушайте Готфрида! Los, weiterfahren! (Remarque).— Проезжайте!—сказал полицейский. Некоторые инфинитивные предложения этого типа в немецком языке стали разговорными клише, значение которых*

определяется только ситуацией, и их перевод зависит от характера модальности:

Abwarten! (Remarque).— Подождем! Abwarten! rief Wolzow (Noll).— *Погоди хвалиться, — отозвался Вольцов.*

Немецкие инфинитивные предложения, выражающие необходимость или желание, переводятся на русский язык безличными или неопределенно-личными предложениями (часто с частицей *бы*). Например: Pilze anschaffen und trocknen (Noll).— *Надо набрать грибов и засушить их.* Nicht brechen! (Noll).— *Только бы не вырвало!* В немецких инфинитивных предложениях с такой модальностью может употребляться частица *пиг*, и они почти всегда переводятся на русский язык инфинитивными предложениями с частицей *бы*: Nur nichts hören! (Remarque).— *Лишь бы ничего не слышать!* Nur diese Stunde überstehen! (Remarque).— *Только бы пережить этот час!* В русском языке предложения такой конструкции однозначны, в немецком же их модальность может варьироваться, она определяется только контекстом и передается интонацией, при переводе же печатного текста критерием может быть лишь контекст: Chance! Nie Wiederkehrende Chance! Nur die Nerven nicht verlieren! (Bredel).— *Вот он — шанс! Неповторимый шанс! Не терять присутствия духа!*

В этом случае немецкое предложение выражает не только желание, но и приказ. В переводе сохранен инфинитив, который передает только второй оттенок — приказание, поэтому перевод неточен.

В разобранных выше случаях способ перевода инфинитивных предложений определяется их структурой и модальностью. Перевод может обуславливаться еще и другими факторами, как, например, структурой самих глаголов, особенностями разговорного языка и пр. Так, в 10% случаев инфинитивные побудительные предложения немецкого языка переведены существительными, личной формой глагола без подлежащего и другими средствами: Herhören! (Noll).— *Внимание!* Данное повелительное предложение может быть переведено в других случаях иначе, например:— *Слушай меня!* Это объясняется тем, что приставка *her* конкретизирует привлечение внимания, такое содержание в русском языке находит выражение дополнительными средствами. Aufstehen! Raus! (Noll).— *Подъем!*

В приведенной ситуации в русском языке более употребительно существительное. Herkommen! Raustreten zum Mittagessen! (Noll).— *Ну-ка сюда! На обед!* В этом примере в русском языке употреблено более краткое предложение, свойственное лаконичным командным клише. Причины вольного перевода без учета грамматической конструкции оригинала могут быть различные — отсутствие аналогичных структур, грамматическая идиоматичность, грамматическое поле предикативности и пр. Wie meinst du das? — *Durchbrennen!* (Noll).— *А ты? — Я сгораюсь!* Also abwarten! (Noll).— *Ну, ладно, поживём — увидим.*

В немецком языке существуют специфические структуры инфинитивных предложений, являющихся стереотипными формулами

диалогической речи с различными модальными оттенками, в том числе и оттенком побудительности или оптативности, например: *Mal sehen! Mal hören! Mal versuchen! Mal kosten!* Такие предложения многозначны и могут переводиться по-разному в зависимости от ситуации: *Посмотрим! Надо посмотреть! Посмотреть бы! Wetten!* (Remarque).— *Спорим! Пару!*

В немецком языке употребляются такие типы инфинитивных предложений, структура и значение которых зависит полностью от соседних предложений. Они не могут употребляться изолированно. На них распространяется предикативность предшествующего предложения, но в них происходит сдвиг структуры и появляется другой оттенок модальности. *Wollen Sie was trinken?— Lieber nicht. Nur etwas sitzen.* (Remarque).— *Я только посижу. Wollen wir zuerst in die Traube fahren und essen? Was meinen Sie?— Essen schon, aber wozugerade in die Traube?* (Remarque).— *Поедем ужинать, но почему именно в «Лозу?»* Это предложения-фрагменты, в которых не ясна грамматическая роль инфинитива, и переводчики передают их личной формой глагола. Перевод такого типа предложений довольно труден и требует тщательного анализа структуры и оттенков соседних предложений, определяющих всю ситуацию.

Рассмотренные два последних типа предложений составляют 5%. Кроме названных в статье в немецком языке существует еще ряд конструкций инфинитивных предложений, например вопросительная, назывная и др. Они также многочисленны и разнообразны по видам модальности и требуют специального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика русского языка. Т. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954. 434 с.
2. Девкин В. Д. Особенности немецкой разговорной речи. М., «Международ. отношения», 1965. 310 с.
3. Зюськин В. А. Предикативность, модальность и принципы классификации инфинитивных предложений в современном немецком языке.— «Учен. зап. Воронежск. пед. ин-та», 1963, т. 43.
4. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. Теоретический курс. М., «Выш. школа», 1971. 383 с.
5. Breidel W. Die Väter. Die Söhne. Die Enkel. Пер. И. Горкиной и Р. Розенталя. Berlin, 1956.
6. Mann H. Der Untertan. Пер. А. Полоцкой. Moskau, 1950.
7. Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt. Пер. Р. Гальпериной, В. Кирильян. Berlin und Weimar. 1970.
8. Ramarque E. M. Drei Kameraden. Пер. И. Шрайбера, Л. Яковенко. М., 1960.
9. Seghers A. Das siebte Kreuz. Пер. В. Станевич. Berlin, 1957.
10. Zweig S. Novellen. Пер. С. Фридлянд, П. Бернштейн, Г. Горфинкель. Moskau, 1959.